

III Международная научная конференция

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)1
Ф54

Главный редактор: *И. Г. Ахметов*

Редакционная коллегия сборника:

М. Н. Ахметова, Ю. В. Иванова, А. В. Каленский, В. А. Куташов, К. С. Лактионов, Н. М. Сараева, Т. К. Абдрасилов, О. А. Авдеюк, О. Т. Айдаров, Т. И. Алиева, В. В. Ахметова, В. С. Брезгин, О. Е. Данилов, А. В. Дёмин, К. В. Дядюн, К. В. Желнова, Т. П. Жуйкова, Х. О. Жураев, М. А. Игнатова, Р. М. Исаков, И. Б. Кайгородов, К. К. Калдыбай, А. А. Кенесов, В. В. Коварда, М. Г. Комогорцев, А. В. Котляров, А. Н. Кошербаева, В. М. Кузьмина, К. И. Курпаяниди, С. А. Кучерявенко, Е. В. Лескова, И. А. Макеева, Е. В. Матвиенко, Т. В. Матроскина, М. С. Матусевич, У. А. Мусаева, М. О. Насимов, Б. Ж. Паридинова, Г. Б. Прончев, А. М. Семахин, А. Э. Сенцов, Н. С. Сенюшкин, Е. И. Титова, И. Г. Ткаченко, М. С. Федорова С. Ф. Фозилов, А. С. Яхина, С. Н. Ячинова

Руководитель редакционного отдела: *Г. А. Кайнова*

Ответственный редактор: *Е. И. Осянина*

Международный редакционный совет:

З. Г. Айрян (Армения), П. Л. Арошидзе (Грузия), З. В. Атаев (Россия), К. М. Ахмеденов (Казахстан), Б. Б. Бидова (Россия), В. В. Борисов (Украина), Г. Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А. М. Данилов (Россия), А. А. Демидов (Россия), З. Р. Досманбетова (Казахстан), А. М. Ешиев (Кыргызстан), С. П. Жолдошев (Кыргызстан), Н. С. Игисинов (Казахстан), Исаков Р. М. (Казахстан), К. Б. Кадыров (Узбекистан), И. Б. Кайгородов (Бразилия), А. В. Каленский (Россия), О. А. Козырева (Россия), Е. П. Колпак (Россия), А. Н. Кошербаева (Казахстан), К. И. Курпаяниди (Узбекистан), В. А. Куташов (Россия), Э. Л. Кыят (Турция), Лю Цзюань (Китай), Л. В. Малес (Украина), М. А. Нагервадзе (Грузия), Ф. А. Нурмамедли (Азербайджан), Н. Я. Прокопьев (Россия), М. А. Прокофьева (Казахстан), Р. Ю. Рахматуллин (Россия), М. Б. Ребезов (Россия), Ю. Г. Сорока (Украина), Г. Н. Узаков (Узбекистан), М. С. Федорова Н. Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А. К. Шарипов (Казахстан), З. Н. Шуклина (Россия)

Ф54 Филология и лингвистика: проблемы и перспективы : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2018 г.). — СПб. : Свое издательство, 2018. — iv, 44 с.

ISBN 978-5-4386-1645-0

В сборнике представлены материалы III Международной научной конференции «Филология и лингвистика: проблемы и перспективы».

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов филологических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)1

ISBN 978-5-4386-1645-0

© Оформление.
ООО «Издательство Молодой ученый», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ.
ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ**Суровцева Е.В.**

Письмо И.Г. Эренбурга И.В. Сталину от 15 апреля 1945 г. в контексте общественной жизни страны 1

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Садокова А.Р.

У истоков русско-японских литературных связей 4

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Головина Е.В.

Сравнительный анализ семантических особенностей специальной лексики в произведениях «Полдень. XXII век» А. и Б. Стругацких и “The Moon Is a Harsh Mistress” Р. Хайнлайна 7

Лисевич Д.В.

Семантические особенности образа женщины в поэзии Т. Корбьера 9

ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Абдулхаирова Ф.И., Маматова Н.А., Абдурахманова М.У., Будикова М.Х.

Состав медицинской терминосистемы «Канона врачебной науки» 15

Багиян А.Ю.

Основные аспекты комплексного социолингвистического и прагмадискурсивного моделирования англоязычного научно-популярного экономического дискурса 16

Мичурова А.А.

Языковая личность и проблема коммуникативной компетентности 20

Радченко Д.В.

Сущность эпистемичности модальных глаголов в немецком языке 22

Фомина А.К.

Содержание работы учителя английского языка по формированию и развитию личностных результатов обучения 26

МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ

Артемова М.В.

Пропаганда зарубежных масс-медиа в филологической перспективе 29

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Iochkova K., Malysheva N.

Linguistic terminological systems in international tourism 31

Колиенко Т.С., Кузнецова И.В.

Особенности интернациональной лексики и способы ее перевода 32

Скибина В.И.

Когнитивно-прагматический аспект метонимов в дискурсе англоязычных СМИ 37

Хачко Е.Е., Маленкович Т.М.

Особенности перевода английских идиом, содержащих в своей семантике морские термины 40

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Письмо И.Г. Эренбурга И.В. Сталину от 15 апреля 1945 г. в контексте общественной жизни страны

Суровцева Екатерина Владимировна, кандидат филологических наук, профессор Российской академии естествознания, старший научный сотрудник

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Илья Григорьевич Эренбург — писатель, журналист, переводчик, общественный деятель, фотограф, написавший целый ряд писем во власть — И. С. Сталину, М. А. Сулову, Д. Т. Шепилову, Н. С. Хрущёву, В. С. Лебедеву. Некоторые из писем — например, письмо Сталину от 3 февраля 1953 г. — имеют такую обширную предысторию и так тесно связаны с основными моментами общественной и литературной жизни нашей страны, что их следует рассмотреть отдельно.

29 марта 1945 г. Сталину было направлено донесение, основанное на агентурных данных, главы контрразведки Смерш В. С. Абакумова (см. [6]). Он сообщал, что Эренбург, после возвращения из Пруссии выступая в Москве (в частности в Военной академии имени Фрунзе, в редакции «Красной звезды»), обвинил части Красной армии в мародёрстве, насилиях, пьянстве. Подобные обвинения Абакумов справедливо назвал «клеветой на Красную армию».

14 марта 1945 г. В «Правде» появилась статья заведующего Агитпропом Г. Ф. Александрова «Товарищ Эренбург упрощает», в которой писателя упрекали в недифференцированном отношении к гражданам гитлеровской Германии; на следующий день эту статью перепечатала «Красная звезда», всю войну публиковавшая антифашистские выступления Эренбурга. Дальнейшая публикация статей писателя стала невозможна.

В своих мемуарах Эренбург пишет: «Одиннадцатого апреля «Красная звезда» напечатала мою статью «Хватит!», мало чем отличавшуюся от предшествующих. Рассказывая, что Маннгейм сдался союзникам по телефону, а в Бранденбурге продолжаются тяжелые бои, я говорил, что фашисты куда более страшатся советской оккупации, чем англо-американской. «Хватит!» относилось к тем политическим кругам Запада, которые после первой мировой войны сделали, ставку на сохранение и развитие германского милитаризма.

Двенадцатого апреля умер Рузвельт. Это было тяжелой потерей. Теперь у нас перспектива времени, и мы видим, что Рузвельт принадлежал к тем немногочисленным государственным деятелям Америки, которые хотели обновить

климат мира и сохранить добрые отношения с Советским Союзом. Москва убралась траурными флагами. Все гадали, что будет делать новый президент Трумэн.

Семнадцатого апреля я был в Славянском комитете на ужине в честь маршала Тито. Ко мне подсел Г. Ф. Александров, спрашивал, не устал ли я, лестно отзывался о моей газетной, работе. На следующий день, раскрыв «Правду», я увидел большой заголовок «Товарищ Эренбург упрощает», статья была подписана Г. Александровым. (Я, конечно, сразу понял, что Александров выступил не по своему почину и что накануне не рассказал мне об этом потому, что испытывал некоторую неловкость; может быть, поэтому он и расхваливал мои статьи.)

Г. Ф. Александров упрекал меня в том, что я не замечаю расслоения немецкого народа, говорю, что в Германии никому капитулировать, что все немцы ответственны за преступную войну, наконец, что я объясняю переброску немецких дивизий с запада на восток страхом немцев перед Красной Армией, в то время как это — провокация, маневр Гитлера, попытка посеять недоверие между участниками антигитлеровской коалиции.

Конечно, я не рассказывал бы обо всем этом, если бы писал историю эпохи, но я пишу книгу о своей жизни и не могу промолчать об эпизоде, который причинил мне много трудных часов.

Я ещё раз оказался наивным, а мне было пятьдесят четыре года: я не могу сослаться на молодость, неопытность; видимо, такого рода наивность лежит в моем характере. Я понимал, почему появилась статья Александрова: нужно было попытаться сломить сопротивление немцев, обещав рядовым исполнителям гитлеровских приказов безнаказанность, нужно было также напомнить союзникам, что мы дорожим сплоченностью коалиции. Я соглашался и с тем и с другим — хотел, как все, чтобы последний акт трагедии не принес лишних жертв и чтобы близкий конец войны стал подлинным миром. Меня огорчало другое: почему мне приписали не мои мысли, почему нужно было осудить меня для того, чтобы успокоить немцев? Теперь, когда горечь тех дней давно забыта, я вижу, что в расчете была своя логика. Геббельс меня изображал как исчадие

ада, и статья Александрова могла оказаться правильным ходом в шахматной партии. Моя наивность была в том, что я считал человека не деревянной пешкой.

«Красная звезда», разумеется, перепечатала статью Александрова. Редактор со мною разговаривал сурово, как с солдатом-штрафником. В редакцию посыпались запросы с фронта, почему нет статей Эренбурга; об этом толковали и за границей. Мне предложили написать статью о боях за Берлин. Я знал, что статью редактор пошлет в ЦК, тому же Г. Ф. Александрову, и предпочел это сделать сам. Копия письма Георгию Федоровичу у меня сохранилась: «...Иной читатель, прочитав Вашу статью, сможет сделать вывод, будто я призывал к поголовному истреблению немецкого народа. Между тем я, разумеется, никогда к этому не призывал, и это мне приписывала фашистская немецкая пропаганда. Я не могу написать хотя бы одну строку, не разъяснив так или иначе этого недоразумения. Как Вы увидите, я сделал это не в форме возражения, а приведя цитату из моей прежней статьи. Здесь затронута моя совесть писателя и интернационалиста, которому отвратительна расовая теория...». Ответа я не получил.

Только 10 мая — на следующий день после Победы — «Правда» поместила мою статью «Утро мира». Я уже понимал, что мне не дадут оправдаться, и для людей, обладающих памятью, вставил без кавычек цитаты из моих статей — о том, что нам чуждо чувство мести и что для немецкого народа найдется место под солнцем, когда он очистится от фашизма» [19, с. 441–443].

Г. Костырченко, повествуя о появлении статьи Александрова, высказывает мысль, что инициатива в данном случае принадлежит аппаратчикам — они были недовольны выступлениями писателя против антисемитизма (в том числе среди сталинских верхов, о котором он, вероятно, знал) и, получив указание Сталина переориентировать Красную армию на более мягкое отношение к немцам, воспользовались случаем, чтобы отыграться на Эренбурге [4, с. 247]. Б. Фрезинский оценивает этот «сюжет» абсолютно по-другому — он полагает, что статья была написана по прямому указанию Сталина, который был первым читателем наиболее важных статей Эренбурга; за границей они расценивались как официальная позиция советского руководства [6]. Слова Эренбурга в мемуарах «Я, конечно, сразу понял, что Александров выступил не по своему почину» [9, т. 2, с. 466] исследователь толкует в том смысле, что писатель понимал, что именно вождь стоит за статьёй. Фрезинский полагает, что писателю были прекрасно известны случаи проявлений антисемитизма и на бытовом уровне, в среде партийных кругов, что нашло отражение в его записных книжках.

Костырченко полагает, что аппарату удалось «добраться» до Эренбурга только в конце войны из-за его популярности и из-за благоволения к нему самого Сталина [4, с. 247]. Фрезинский на это возражает, что цензурные ужесточения, начавшиеся в 1943 г., коснулись всех писателей — в том числе и Эренбурга; кроме того, начальники

среднего звена Эренбурга побаивались, так как знали, что он вполне может напрямую обратиться к намного более высоким «начальникам» — к Молотову или письменно к Сталину (позже — к Хрущёву), а те, чтобы «выглядеть гуманистами», могли встать на сторону писателя и покарать чиновников [6].

15 апреля 1945 г. Эренбург пишет письмо Сталину (см. публикации письма в [5, с. 156–157; 6; 8, с. 338; 11, с. 116–117]. Оно частично опубликовано — вероятно, по копии или черновику — в комментариях к мемуарам писателя «Люди, годы, жизнь» [9, т. 2, с. 443–444]. Автор комментариев утверждает, что Г. Я. Суриц — главный редактор «Известий» — убедил писателя «не отправлять Сталину уже написанное письмо». Однако письмо все же было отправлено). «Понимая, что за этим стоит Сталин, он тем не менее написал вождю, разумно делая вид, что считает инициатором статьи начальника Агитпропа» [6]. Это очень личное письмо, чуть ли не дружеское. Писатель обращается к вождю почти как к равному, как к собеседнику, к которому можно обратиться с личным вопросом («... касающимся лично меня...»), на понимание которого можно рассчитывать («Вы понимаете, Иосиф Виссарионович, что я испытываю»), занятость которого автором письма хорошо осознается («Простите меня, что Вас побеспокоил личным делом...»). В письме чувствуется уважение к адресату. Эренбург никого ни в чем не обвиняет; он хочет обратить внимание Сталина на то, что всегда выполнял свой долг, выражал «чувства нашего народа». Единственное желание автора письма — оправдаться, снять с себя несправедливое обвинение. Думается, тональность этого письма можно сопоставить с тональностью писем Зощенко Сталину. Послания этих разных людей роднит простота, скромность, нежелание обвинять кого-либо и чувство своей личной ответственности за написанное, надежда на то, что Иосиф Виссарионович чисто по-человечески сможет их понять. В своём «Эпизоде» В. Каверин обращает внимание на необычный для переписки с властями образ адресата, который создаётся в текстах Зощенко на имя Сталина: «Он пишет не государственному деятелю, не демону с сучонькой ручкой, которому удалось растлить нравственность двухсотмиллионного народа. Не невежде, который на пошлой сказке Горького «Девушка и смерть» написал: «Эта штука сильнее, чем «Фауст» Гёте»¹. Не властителю, соединившему в себе Гитлера и Тамерлана, — а человеку. Ответа нет» [3, с. 83]. Та же самая характеристика относится и к анализируемому письму Эренбурга.

В дневнике дочери писателя Ирины Эренбург есть запись о реакции писателя на происходящее: «Дома полный

¹ Вот как описывает этот эпизод Вяч. Вс. Иванов: «А осенью (1932 г. — Е. С.) Сталин и Ворошилов пожаловали к Горькому домой ... и написали свои резолюции на сказке «Девушка и смерть». Мой отец, говоривший об этом, утверждал решительно, что Горький был оскорблён. Сталин и Ворошилов были пьяны и валяли дурака (Вс. Вяч. Иванов): эти надписи на книжке двух подвыпивших неучей были напечатаны и всерьёз стали цитироваться через год после смерти Горького, в разгар террора» [2, с. 126].

мрак в связи со статьей Александрова. Мы (то есть СССР — Е. С.) её передаем на Германию... Тупой взгляд Ильи, полное отсутствие интереса ко всему, нежелание ничего есть, за исключением укропа... Написал письмо Сталину и ждет... У Ильи требуют покаянной статьи. Он не будет ее писать...» [7, с. 107–108].

Ответа Сталина Эренбург не получил, однако сразу после Победы его вновь стали печатать в «Правде».

Говоря об этом письме Эренбурга Сталину, Костырченко утверждает, что Поскребышев, секретарь Сталина, не передавал вождю этого послания как «малозначительную информацию», а отдал Маленкову, оправившему это письмо в архив [4]. Фрезинский возражает [6]: Маленкову была послана незавершенная машинописная копия письма с пометой «Гов. Маленкову. П<оскребышев>», а не подлинник [5, с. 338]. Процедуру работы со сталинской почтой сам Поскребышев описывал так: «Порядок обработки материалов устанавливался т. Сталиным и заключался в следующем. Все материалы, поступавшие в адрес т. Сталина, за исключением весьма секретных материалов МГБ, просматривались лично мною или моим заместителем, затем докладывались т. Сталину устно или посылались ему по месту нахождения» [1, с. 548]. Сталин очень дорожил информацией, поэтому, по мысли Фрезинского, утаивание её могло быть опасно — вождь мог не прочитать документа, однако в докладе ему этот документ должен быть упомянут. Кроме того, неясно, какие соображения были именно у Поскребышева скрывать письмо Эренбурга. Кроме того, как пишет автор комментариев к воспоминаниям писателя, на его письме имеется пометка, которая говорит о том, что оно докладывалось адресату [9, т. 2, с. 443–444].

Костырченко пишет: «Правда, возможно, чтобы предотвратить повторное обращение Эренбурга к Сталину,

чиновники со Старой площади вынуждены были пойти с ним «на мировую», дав санкцию на публикацию уже 10 мая его большой статьи в «Правде»» [4, с. 248]. Фрезинский вновь возражает [6]: во-первых, если скрыли первое письмо, то точно так же можно скрыть и второе (минуя Поскребышева, передать письмо вождю Эренбург не мог); во-вторых, вопрос о публикации «победной» статьи Эренбурга не мог быть решён без Сталина, и личным цензором статьи «Утро мира» стал Жданов (об этом упомянул и сам Эренбург в черновике к воспоминаниям [9, т. 2, с. 569]). Исследователь полагает, что статью Эренбурга напечатали из-за его популярности и из-за утраты после Победы актуальности немецкого фактора.

Костырченко пишет: «Именно с этого времени Эренбург дистанцировался от ЕАК (Еврейский антифашистский комитет — Е. С.) и еврейских проблем и уже остерегался во всеуслышание обличать антисемитские настроения в стране, поняв окончательно, что в противном случае он рискует противопоставить себя весьма могущественным силам» [4, с. 466]. Фрезинский возражает [6], что это дистанцирование произошло раньше (в марте 1945 г.) и связано с политикой руководства ЕАК по части «Чёрной книги» об уничтожении гитлеровцами евреев в СССР — Эренбург добивался, чтобы её издали прежде всего в СССР, ибо её передача в США сорвёт советское издание (что и произошло). Узнав об отправке «Чёрной книги» в США (по мнению Фрезинского, это произошло по требованию работников Госбезопасности), писатель распустил созданную им литературную комиссию «Чёрной книги».

Таким образом, письмо И. Г. Эренбурга И. В. Сталину от 15 апреля 1945 г. вписывается в контекст общественной жизни нашей страны, а обстоятельства его появления вызывают споры современных учёных.

Литература:

1. Жуков Ю. Н. Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М., 2000.
2. Иванов Вяч. Вс. Почему Сталин убил Горького? // Вопросы литературы. 1993. Выпуск 1. С. 91–134.
3. Каверин В. Эпилог: Мемуары. М., 1989.
4. Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2001.
5. «Литературный фронт»: История политической цензуры. 1932–1946 гг. Сб. документов. Сост. Д. Л. Бабиченко. М., 1994.
6. Фрезинский Б. Я. Писатели и советские вожди: Избранные сюжеты 1919–1960 годов. М.: Эллис Лак, 2008.
7. Эренбург И. И. Годы разлуки (Мой дневник во время войны) // Звезда. 1999. № 2.
8. Эренбург И. Г. На цоколе историй... Письма 1931–1967. М.: Аграф, 2004.
9. Эренбург И. Г. Люди. Годы. Жизнь. Воспоминания. В 3 томах. М., 1990.
10. Эренбург И. Г. Собрание сочинений. В 9 томах. Том 9. М., 1967.
11. «Я не понимаю литературы равнодушной». Письма И. Г. Эренбурга Н. И. Бухарину, И. Б. Сталину, Л. Г. Селиху, Н. С. Хрущеву и Д. Т. Шепилову // Источник. 1997. № 2. С. 109–121.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

У истоков русско-японских литературных связей

Садокова Анастасия Рюриковна, доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

В этом году широко отмечается важная дата в жизни Японии — 150-летие незавершенной буржуазной революции Мэйдзи (в японской историографии она получила название «реставрация Мэйдзи»). Результатом событий 1868 г. стало завершение многовекового (с XII в.) военного правления. Император официально вернулся к власти, а сама Япония «открылась для внешнего мира», прервав более чем двухвековой период самоизоляции. Началась эпоха Мэйдзи — время колоссальных политических, экономических и культурных перемен в жизни японского общества. Одним из проявлений «новой реальности» стало увлечение японской интеллигенции Западом, поиска гармонии между традиционно японским и привнесенным извне.

Это было время просветительского движения и развития журналистики, время приобщения японской читающей публики к литературным достижениям европейской цивилизации. Время сложное, необыкновенно плодотворное и чрезвычайно динамичное. Не последнюю роль в процессе формирования новой японской культуры и литературы сыграло появление переводной литературы, к которой был проявлен огромный интерес. Именно в это время японцы познакомились и с таким неизвестным им до этого явлением как «русская литература», которая, наряду с французской, потом оказала огромное влияние на становление новой японской литературы.

С произведениями русских классиков японская интеллигенция первоначально знакомилась через «языки-посредники» — английский или французский. Приобрести эти издания можно было только в книжном магазине «Марудзэн», основанном в 1868 г. Это было своего рода «окно в Европу». Именно в этом магазине в 1889 г. впервые появились три экземпляра английского перевода романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». И все они были куплены в будущем знаменитыми литераторами, в том числе теоретиком новой японской литературы, одним из основателей нового японского театра Цубоути Сёё (1867–1935) [5, с. 17].

К этому моменту в Японию уже стали попадать адекватные переводы русской литературы на европейские языки, то есть переводы, выполненные профессиональными переводчиками. Можно сказать, что к концу 1880-х годов эта тенденция постепенно становилась определяющей, чего нельзя сказать о более раннем периоде.

На первом этапе знакомства японцев с русской литературой, равно как и с любой другой, их меньше всего интересовала художественная сторона этих произведений. Можно даже сказать, что первое знакомство происходило под флагом просветительского движения, охватившего после революции Мэйдзи все стороны жизни японского общества. Японцами руководило страстное желание понять, как живут другие люди, узнать как можно больше об их истории, нравах, обычаях, бытовой жизни. Потому, читая произведения чужой литературы, они стремились просто «изучить» незнакомый народ, познакомиться с ним.

Однако что касалось России, то первые переводы не могли дать японцам правдивого представления об этом. Не только потому, что они не были выполнены с русского языка и, соответственно, не были сделаны людьми, знавшими Россию и ее культуру, а еще и потому, что для перевода на японский язык привлекались англоязычные опусы не самого лучшего качества, иногда это была просто «случайная выборка». Несмотря на это переводчики-японцы очень серьезно подходили к поставленной задаче, поэтому их имена, наверное, до сих пор известны всем, кто интересуется этим периодом развития японской литературы.

При этом первые переводы являются прекрасной иллюстрацией для понимания самой сути «представлений о прекрасном» в японском обществе того времени, а также для изучения принятых в литературной среде тогдашней Японии критериев работы переводчиков. Тогда японские переводчики не только придумывали новые названия произведениям, стараясь, как им казалось, сделать их лучше, но и довольно вольно обращались с авторским текстом. Все это делалось с учетом вкусов японской читающей публики, которая привыкла к длинным интригующим названиям и быстро развивающимся событиям — такова была японская беллетристика, с которой японская литература встретила революцию Мэйдзи и знакомство с русской и западной классикой.

Первое произведение русской литературы, которое стало доступно японскому читателю, вполне отвечало этим требованиям. Оно вышло в свет в 1883 г. в переводе Такасу Дзискэ под названием «Удивительные вести из России. Записки о душе цветка и мыслях бабочки». В основе этого небольшого по объему произведения лежала романтическая история, построенная на незатейливом «любвонном

треугольнике». Главными героями этого русского произведения были Мэри, Смит и Дантон.

Конечно, нелегко узнать в такой нетривиальной интерпретации «Капитанскую дочку» А. С. Пушкина. Понятно, что никакой иной линии, кроме любовной, в переводе не было. Не исключено, что тема Пугачевского бунта, как и другие события и действующие лица, были потеряны еще при переводе на английский язык и не были даже известны японскому переводчику.

Тем не менее, произведение пользовалось успехом и в 1886 г. было даже переиздано под названием «История Мэри и Смита. Русская любовная история». Вероятно, к тому времени русские герои Мэри и Смит уже стали хорошо известны читающей публике, а японцы увидели какую-то особую романтику именно в «русской любовной истории». В свое время А. И. Мамонов, автор монографии «Пушкин в Японии», высказывал мысль о том, что «русская любовь» предстала перед японцами в новом, незнакомом им свете, «резко отличной от привычного представления о своей японской любви» [4, с. 165]. Не исключено, что так оно и было. Ведь собственно любовная японская литература того времени была полна непристойных любовных историй, не отличающихся ни глубиной чувств, ни сложностью характеров.

Что же касается английских имен в произведении русской литературы, то японские исследователи на протяжении истории давали разные объяснения этому явлению. Но суть их сводилась практически к одному: русская литература в то время воспринималась как часть общеевропейской культуры и особой разницы они просто не видели; на первом этапе английский язык и английская литература занимали первостепенное положение, то есть все решалось «в пользу Англии» [7, с. 292]. Как отмечал К. Рехо, «читатели тех лет были еще далеки от осмысления особенностей русского характера, именно «русской любви» [5, с. 18].

Действительно, на первых порах английская литература широко переводилась в Японии, и ее произведения, как и все остальные, немецкие или французские, постигла та же участь — они переводились весьма вольно и под такими же пышными названиями. Так, «Ромео и Джульетта» Шекспира вышла под названием «Странные пути любви, соединившие врагов», а драма Ф. Шиллера «Вильгельм Телль» под названием «Меч свободы». Однако позднее на первый план вышла русская литература и французская, которые оказались намного ближе душам японцев.

После «Капитанской дочки» знакомство с русской классикой продолжалось в том же русле. В 1886 г. появилось еще одно произведение с «завлекающим» названием: «Плачущие цветы и скорбящие ивы. Последний прах кровавых битв в Северной Европе» (Переводчик Мори Тай). В этом небольшом по объему произведении русскоязычный читатель вряд ли сразу бы признал «Войну и мир» Л. Н. Толстого. А, вчитавшись, засомневался бы еще больше: в переводе было много откровенных неточностей, сам текст был сильно сокращен, к тому же

подвергся большой правке, в том смысле, что был переделан «как лучше».

Конечно, такого рода «переводы» с трудом можно воспринимать как серьезное явление. И, тем не менее, они таковыми оказались. Даже в столь искаженном виде они заинтересовали японского читателя, и когда, наконец, стали появляться адекватные переводы, японский читатель уже был готов к встрече с русской литературой. Конечно, не все было сразу принято. Остался непонятым пушкинский «Борис Годунов». О главном герое японская критика написала лишь: «Преступник, нарушивший закон Неба». Не сразу японцы прониклись и лиризмом И. С. Тургенева, которого потом полюбили навсегда: настолько необычными показались им описания природы.

Но вместе с непониманием возникало вдруг и странное желание все-таки понять, что же такое есть русская литература. Может быть, японцы уже тогда ощущали то, что Л. Л. Громковская определила так: «Русская литература произвела столь сильный эффект именно потому, что в ней осознавалось нечто родственное, «не найденное сегодня поутру», но «позабывшее и обретенное вновь» [1, с. 227]. Хотя эта точка зрения и считается спорной. Достаточно вспомнить высказывание акад. Н. И. Конрада о впечатлении, которое произвело на японцев описание природы у И. С. Тургенева и что может считаться отправной точкой появившегося интереса. Это впечатление было «отличным от того, на котором воспитывались японцы» [3, с. 532].

Понятно, что процесс познания и осмысления русской классической литературы в Японии не был простым и быстрым. Но уже первые переводы, несмотря даже на столь не соответствующие оригиналу попытки, привлекли внимание японского читателя, задели его за живое и, как ни странно, заложили первые основы глубокого интереса к русской литературе в Японии.

Серьезный интерес к русской классике пробудился японском обществе только в конце 1880-х годов, когда переводы стали осуществляться непосредственно с русского языка литераторами-русистами. Этому в немалой степени способствовало системное обучение русскому языку в Школе иностранных языков, а позднее — уже в 1920 г. силами русского отделения в одном из ведущих японских университетах — в университете Васэда, где это отделение возглавил известный русист и переводчик Катаками Нобуро (1884—1928) [2]. Однако у самых истоков создания «школы» перевода произведений русской классики стоял писатель-русист Фтабатэй Симэй (1864—1909), впервые поставивший своей целью максимально точно передать художественные и смысловые особенности подлинника.

Благодаря Фтабатэю Симэю японская интеллигенция смогла познакомиться со многими произведениями русской литературы и, прежде всего, с творчеством Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого. Сегодня имя Фтабатэя в основном ассоциируется с переводами произведений Тургенева. И это неслучайно. Можно сказать, что именно произведения Тургенева

в великолепном переводе Фтабатэя и стали отправной точкой сначала для знакомства, а потом и для огромного интереса и любви к русской литературе в Японии.

В 1896 г. вышел в свет первый небольшой сборник переводов Фтабатэя, озаглавленный «Неразделенная любовь», в который были включены переводы произведений Тургенева — «Ася», «Свидание», «Три встречи». Рассказ «Свидание» уже издавался ранее и стал «пробой пера» для Фтабатэя как переводчика русской литературы. Перевод же повести «Ася», опубликованный впервые, произвел настоящий фурор в литературной среде тогдашней Японии.

Интересно, что именно повесть «Ася» Фтабатэй назвал «Неразделенная любовь», ссылаясь на то, что иностранные имена были трудны для восприятия и ничего не говорили читателю-японцу. Он руководствовался этим принципом и в дальнейшем, потому, наверное, нередко публиковал переводы под названиями, отличными от оригинала. Так, со временем роман «Рудин» в переводе Фтабатэя получил название «Перекасти-поле», рассказ «Петушков» — «Роковые узы», а один акт пьесы «Завтрак у предводителя» — «Дурень».

Попутно заметим, что не только произведения Тургенева под пером Фтабатэя обретали новые названия. Интересно вспомнить, что повесть Н. В. Гоголя «Старосветские помещики» вышла под названием «Люди прежних лет», рассказ Л. Н. Толстого «Рубка леса» стал известен как «Винтовка в изголовье», а рассказ В. М. Гаршина «То, чего не было» получил название «Трава без корней». Под другими названиями появились и переводы произведений М. Горького.

Литература:

1. Громковская 1982 — Громковская Л. Л. Ранние переводы из русской классики в Японии // Русская классика в странах Востока. М., 1982.
2. Кожевникова И. П. Университет Васэда и русская литература // 100 лет русской культуры Японии. М., 1989. С. 38–60.
3. Конрад 1984 — Конрад Н. И. Японская литература. М., 1984.
4. Мамонов 1984 — Мамонов А. И. Пушкин в Японии. М., 1984.
5. Рехо 1987 — К. Рехо (Ким Ле Чун). Русская классика и японская литература. М., 1987.
6. Цоктоева Т. Н. Первый из японских русистов // 100 лет русской культуры Японии. М., 1989. С. 23–37.
7. Янагида Идзуми 1965 — Янагида Идзуми. Мэйдзи бунгаку кэнкю (Исследование литературы периода Мэйдзи) Т., 1965.

Повесть «Ошибка» получила название «Двое сумасшедших», а «Дед Архип и Ленька» — «Нищие».

При этом нетрудно заметить, что новые названия, даваемые Фтабатэем, отличались от тех цветистых и длинных названий, которые получали произведения на первом этапе знакомства японцев с русской литературой. Даже переименованные они сохраняли суть и идею произведения и при этом звучали более понятно для японцев, которые плохо представляли себе многие русские реалии.

Нельзя не обратить внимания и на чрезвычайно широкий выбор переведенных Фтабатэем произведений. И ко всем уже перечисленным авторам можно добавить еще и имена сегодня уже не столь часто вспоминаемых литераторов. Например, в вольном переводе Фтабатэй осуществил переложение рассказа И. Щеглова (псевдоним И. Л. Леонтьева, 1856–1911) «Невозможный характер», а также перевел брошюру с рассказом народовольца П. С. Поливанова «Кончился», посвященного памяти друзей автора [6, с. 34].

То есть Фтабатэй не только хорошо знал и тонко чувствовал русскую классическую литературу, но и внимательно следил за современной ему литературой, по возможности пропагандировал ее в Японии. Благодаря Фтабатэю Симэю японцы по-настоящему открыли для себя русскую классику и полюбили навсегда. Всего за два-три десятилетия русская литература из совершенно неизвестного явления превратилась для японцев в столь важное и любимое. И на переводах русской классики, которые прошли за это время путь до истинно национального достояния, было воспитано не одно поколение японцев.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Сравнительный анализ семантических особенностей специальной лексики в произведениях «Полдень. XXII век» А. и Б. Стругацких и “The Moon Is a Harsh Mistress” Р. Хайнлайна

Головина Елена Викторовна, кандидат филологических наук, доцент
Оренбургский государственный университет

Сравнительный анализ семантических особенностей специальной лексики осуществлен посредством поэтапного анализа семантических пространств научных терминов и семантических пространств авторских терминов в романах «Полдень. XXII век» А. и Б. Стругацких и “The Moon Is a Harsh Mistress” Р. Хайнлайна.

В обоих произведениях семантические пространства научных терминов представлены компонентами семи семантических полей. Несмотря на характерные для научной терминологии особенности, определения научных терминов в данных произведениях имеют значительные отличия. Авторы придают наиболее важное значение при определении научных терминов компонентам разных семантических полей, несмотря на их тождественный перечень. Так, А. и Б. Стругацкие при определении термина в произведении «Полдень. XXII век» с явным преимуществом используют компоненты семантического поля **«обозначаемый предмет / явление»**, что совпадает с научным принципом определения термина посредством обозначаемого предмета. Придерживаясь логики сопоставления именуемого понятия с именуемым объектом, авторы стремятся провести однозначную аналогию обозначаемого термином объекта с объектом, образ которого более понятен и доступен читателю. Такой прием значительно облегчает восприятие научного термина и как бы переводит его на повседневный разговорный язык. Так, один из терминов преобладающей технической терминологии «Д-звездолет» автор просто называет «гигантом», тем самым обозначая отправную точку в создании образа термина.

Описание обозначаемого предмета сопровождается описанием как его внешних характеристик, так и в равной степени описанием его действий, свойств и других особенностей его функционирования. К примеру, описание «гиганта» дополняется такой его технической характеристикой, как «шестикилометровый», а внешний образ создается с помощью элемента сравнения: «похожий издали на сверкающий цветок».

Наиболее существенной оказалась связь семантического поля **«обозначаемый предмет / явление»** с семантическим полем **«совершаемые операции»**, что указывает на наиболее часто встречаемое дополнение именуемого

понятия совершаемыми им действиями. Такая связь особенно важна для понимания научной терминологии, а именно понимания её прикладной значимости. С помощью деятельностной характеристики «Д-звездолет» воспринимается не просто как статичный объект, а как выполняющее свое предназначение устройство: «вышел на меридиональную орбиту вокруг Владиславы». Такое описание демонстрирует основной прием раскрытия образа термина авторами через обозначаемый объект и совершаемое им действие, т.к. последовательно дает ответы на вопрос «что это?» и «что это делает?». Исходя из графосемантической модели термина, авторы в своем описании термина раскрывают ответы и на другие вопросы, а именно: как оно выглядит? где располагается? в чем его особенность?: «Д-звездолеты не приспособлены к посадкам на массивные планеты, особенно на планеты с атмосферами, и тем более на планеты с бешеными атмосферами. Для этого они слишком хрупки» [1, с.167].

Таким образом, особенностью семантики научных терминов в произведении «Полдень. XXII век» А. и Б. Стругацких является наличие в их определении обозначаемого термином образа, описание совершаемого им действия, а так же дополнение определения его разноаспектными характеристиками.

В отличие от А. и Б. Стругацких, Р. Хайнлайну присуща несколько иная схема определения научного термина. Лидирующую позицию в семантическом пространстве термина в романе “The Moon Is a Harsh Mistress” занимает семантическое поле **«свойства»**, но в отличие от предыдущих авторов, значимость следующих за ним полей **«экстралингвистические факторы»** и **«обозначаемый предмет/явление»** немногим меньше. Такая структура говорит о более свободном принципе построения определения научного термина, не ограниченном одним преобладающим компонентом, а отсутствие на лидирующей позиции поля обозначаемого объекта подчеркивает отступление от научного регламента определения термина. Тем не менее, анализ связей внутри семантического пространства научного термина выявляет наличие наиболее сильных связей у поля **«обозначаемый предмет/явление»**, что делает его центральным в семантическом пространстве и так же согласует

его описание с особенностями построения определяемой части научного термина.

Отличительным от способа организации семантического пространства научных терминов русскоязычных авторов является способ организации такового в англоязычном произведении. В отличие от первого, определение термина на основе обозначения именуемого им объекта во втором произведении дополняется в первую очередь не совершаемыми им действиями, а свойствами, которыми обладает сам этот объект, либо накладываются на него другие объекты контекста. Такой способ построения демонстрирует пример описания одного из вида памяти — “permanent memories”, которой обладает компьютер, на что указывает экстралингвистический компонент: “a thinkum has”. Отличительные свойства данного вида памяти главный герой пытается донести посредством подробного описания его свойств: “can’t be erased because patterns be logic itself”, “ranging from memoranda files through very complex special programs”, “each location tagged by own retrieval signal and locked or not”, “with endless possibilities on lock signals: sequential, parallel, temporal, situational, others” [2, с. 54]. Такое видение определения термина под призмой его качественной характеристики и вовлеченности во взаимодействие с окружающими предметами, говорит о художественном подходе к толкованию термина. Именно изображение объекта со всем разнообразием его свойств создает подробный и многогранный его портрет, обогащая который компоненты других семантических полей. Следует отметить, что Р. Хайнлайн гораздо в меньшей степени придает значение описанию внешности объекта, чем А. и Б. Стругацкие, акцентируя внимание на описании внутренней организации обозначаемого научным термином объекта.

Таким образом, среди семантических особенностей научных терминов в произведении “The Moon Is a Harsh Mistress” Р. Хайнлайна можно выделить преобладание качественной характеристики объекта, а так же его описание в рамках действующего контекста, что в совокупности с указанием определяемого объекта создает художественный образ научного термина.

Для комплексного анализа семантических особенностей специальной лексики в произведениях, произведен анализ семантического пространства авторской терминологии в романах «Полдень. XXII век» А. и Б. Стругацких и “The Moon Is a Harsh Mistress” Р. Хайнлайна. В отличие от сравнительной характеристики семантического пространства научных терминов, семантическое пространство авторских терминов в обоих произведениях имеет ярко выраженное сходство. В первую очередь, это проявляется в схожем распределении компонентов семантических полей по их значимости. На лидирующих позициях находится семантическое поле «**совершаемые операции**», что однозначно указывает на единогласный способ определения новообразованных авторами терминов через характеристику совершаемых им действий и операций. Используя деятельностный подход к описанию, авторы стремятся не просто

ввести созданный ими образ в контекст, а наделять его жизнью, придать описанию динамичность, создать гармонично функционирующий в произведении образ.

Анализ графосемантических моделей так же подтверждает центральную позицию семантического поля «**совершаемые операции**» в обоих произведениях. Это же поле образует аналогичные сильные связи, единственной отличительной особенностью структуры которых является их организация. Если на первой модели структура имеет выраженный радиальный характер, то на второй она представлена в виде цепочки связей. Такое отличие говорит о несколько разном построении логики повествования, при которой дополнительная характеристика объекта описывается в первом случае посредством компонентов центрального семантического поля «**совершаемые операции**», а во втором так же посредством компонентов семантического поля «**свойства**». В частности, в произведении А. и Б. Стругацких описание самого объекта, его свойств и внешности предлагается преимущественно как дополнение к описанию совершаемых им операций и действий: «Впервые они появились полторы декады назад — вот такие шесты на одном колесе и ползучие тарелки. Их часто видят в саванне между Колд Криком и Роальдом, а позавчера один шест пробежал по главной улице Гибсона. Одну тарелку растоптали мои эму. Я видел — большая куча осколков плохой пластмассы и остатки радиомонтажа на совершенно отвратительной керамике. Похоже на школьные модельки» [1, с. 209].

Организация семантического пространства авторских терминов Р. Хайнлайна подразумевает последовательное описание характеристик объекта, не регламентируя их строгий порядок, при котором описание может брать начало с любого периферийного компонента: «Not that Mike would necessarily give right answer; he wasn’t completely honest. When Mike was installed in Luna, he was pure thinkum, a flexible logic — “High-Optional, Logical, Multi-Evaluating Supervisor, Mark IV, Mod. L” — a HOLMES FOUR. He computed ballistics for pilotless freighters and controlled their catapult» [2, с. 2].

Ярко выраженное отличие в данных семантических пространствах заключается в значимости полей «**экстралингвистические факторы**» и «**внешнее описание**». Как и в семантическом пространстве научных терминов такая тенденция свидетельствует о разноплановом подходе к внешнему описанию объекта. Если А. и Б. Стругацкие не пренебрегают описанием внешних особенностей обозначаемого термином объекта, то Р. Хайнлайн предпочитает не акцентировать внимание на внешнем описании, а больше старается передать как качества самого объекта, так и качества окружающей его среды, описывая внешне взаимодействие и взаимовлияние объектов.

Анализ семантических особенностей авторских терминов в произведениях показал схожую организацию семантических пространств в обоих произведениях, основанную на деятельностном подходе. Будучи центральным,

поле совершаемых операций в произведении «Полдень. XXII век» образует радиальные сильные связи, что говорит о введении дополнительных характеристик объекта через описание совершаемых им операций. В произведении “The Moon Is a Harsh Mistress” поля совершаемых операций и свойств образуют цепную связь, позволяющую выстраивать описание объекта как со стороны его действий, так и со стороны его качественных характеристик.

Таким образом, произведен сравнительный анализ семантических особенностей специальной лексики в романах «Полдень. XXII век» А. и Б. Стругацких и “The

Moon Is a Harsh Mistress” Р. Хайнлайна, представленной семантическими пространствами научных и авторских терминов. Специальная лексика в русскоязычном произведении представлена в виде сочетания компонентов обозначаемого объекта и совершаемого им действия. В англоязычном такое взаимодействие дополнено компонентом свойств объекта, что говорит о вариативной структуре описания специальной лексики в романе «The Moon Is a Harsh Mistress» и более регламентированной логике построения таковой в романе «Полдень. XXII век» А. и Б. Стругацких.

Литература:

1. Стругацкий, А. А. Полдень. XXII век: [фантастический роман] / Аркадий и Борис Стругацкие. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 352 с.
2. Heinlein R. The Moon Is a Harsh Mistress / R. Hainlain — Режим доступа: <http://drnissani.net/mnissani/RevolutionaryToolkit/TheMoonIsAHarshMistress.pdf> — 21.05.18.

Семантические особенности образа женщины в поэзии Т. Корбьера

Лисевич Дарья Владимировна, студент

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

Данная статья посвящена изучению лексико-семантических особенностей создания образа женщины в контексте лирики французского поэта Тристана Корбьера с помощью лингвистического анализа, ориентированного на метод семантического поля.

Ключевые слова: поэзия, семантическое поле, образ, женщина.

This article is dedicated to the study of semantic and lexical features of the description of the woman's image in the context of the French poet Tristan Corbière's lyrics by using the linguistic analysis based on the method of semantic field.

Keywords: poetry, semantic field, image, woman.

Тристан Корбьер (настоящее имя *Эдуар Жоакен*, 18 июля 1845, Морле — 1 марта 1875, там же) — французский поэт — символист, первый в списке «Проклятых поэтов» Поля Верлена. Корбьер родился в семье капитана дальнего плавания, Жана Антуана Эдуара Корбьера-старшего, морского волка, периодически писавшего записки о своих путешествиях, которые впоследствии были опубликованы в различных французских журналах, и Анжелики Корбьер Пюио, обычной хозяйки, которая была на 33 года младше своего мужа. С детства поэт был очень слабым и болезненным; в возрасте 14 лет Корбьер был отправлен в императорский пансион Сен-Бриё, но обучение было прервано серьезной болезнью будущего поэта — суставным ревматизмом, впоследствии перешедшим в чахотку. Затем, переехав в Нант к дяде-врачу, Корбьер учился в местной школе, но через некоторое время недуг снова дал о себе знать, и учеба вновь прервалась. Желая облегчить свои страдания, Корбьер решил поселиться в небольшом доме своего отца близ океана в городке Роскоф. Именно здесь и началась печальная история его мученического, но самоироничного

творчества. Корбьер получил от местных жителей, бретонцев, прозвище «Ан Анку», что буквально означает «Призрак смерти». Для поэта это не было столь удивительно, его внешность полностью оправдывала закрепившееся за ним прозвище: Корбьер был бледен, высок, худ и вечно со взъерошенными волосами. Всецело приняв свое никчемное, как казалось самому поэту, существование, Корбьер свел дружбу с некоторыми французскими поэтами, с одним из которых отправился в Италию. Там он познакомился со своей возлюбленной, Армидой-Жозефиной Куччиани или, как ее называл Корбьер, Марсель. Любовь к итальянской актрисе во многом определила будущее творчество поэта. После горькой разлуки с Куччиани Корбьер возвратился в Париж, где в 1873 году он выпустил на деньги отца свой единственный сборник стихотворений «Кривая любовь» («Les amours jaunes»). Название сборника было составлено из аналогий с французскими идиомами «желтый гнев» (*une colère jaune*) — бурная ярость, и «желтая улыбка» (*le sourire jaune*) — кривая, болезненная, вымученная улыбка. В «Кривой любви» каждый

стих говорит о том, что Корбьер «отдался во власть тех словесных волн, что денно и ночью шумят у нас в головах, не сдерживаемые никаким сознательным принуждением, и которым здравый смысл тщетно пытается противопоставить дамбу сиюминутной рассудительности», как говорил Андре Бретон [1.85], создатель «Антологии черного юмора». Книга осталась без внимания парижан, и Корбьер вернулся в Бретань. Попытки вновь писать стихи потерпели крах. Через некоторое время Корбьер умер от чахотки в стенах родного дома.

Ироничная и гротескная поэзия Тристана Корбьера не была по достоинству оценена его современниками. Тем не менее его лирику публиковали посмертно, к его выстраданному, кричащему сквозь сардоническую улыбку литературному слову взывали многие исследователи его творчества. Стихи Корбьера переводили Иннокентий Анненский, Иван Тхоржевский, Сергей Бобров, Бенедикт Лившиц и многие другие. Тот же Бретон отмечал: «Это противостояние физической ущербности и поразительной душевной чуткости неизбежно превращает юмор Корбьера в своего рода защитный рефлекс, а его самого приводит к систематическим упражнениям в так называемой «безвкусице»» [1. 85]. Лирика Корбьера являет собой грубую, уродливую правду, высмеянную со слезами на глазах. Корбьер не приукрашал действительность, как и другие «погибшие при штурме Последней Высоты Верлибра» [7], что, по всей видимости, и отталкивало читателей, привыкших к устаревшим и наскучившим романтизированным сюжетам. Его обличающее перо коснулось и образа Женщины, что может показаться своего рода мстостью за разбитое сердце реальным прототипом этого образа — Армидой-Жозефиной Куччиани. Актуальность представленной работы заключается в том, что исследований на данную тему в русскоязычной филологии не существует.

Работа выполнена на материале следующих стихотворений Тристана Корбьера: «À l'éternel madame» («Вечная женственность»), «Elizir d'Amor», «Féminin singulier» («Настоящая женщина»), «Idylle coupée» («Прерванная идиллия»), «Le Poète et la cigale» («Поэт и цикада»).

Для исследования особенностей образа женщины в лирике Корбьера выделено одно семантическое гиперполе «Femme», что помогло многогранней представить проблему, а именно точно проследить своеобразие формирования образа с точки зрения лексики. В данном поле представлены лексемы, так или иначе относящиеся к образу женщины.

Семантическое поле представляет собой «совокупность языковых единиц, объединенных каким-то общим семантическим признаком» [2]. Лексемы, входящие в семантическое поле, могут быть разными частями речи, а также могут объединяться на основе сходства или смежности своих значений.

Структура семантического поля являет собой трехкомпонентную систему:

- ядро, представленное семой высшего порядка (гиперсемой), которая организует вокруг себя семантическое формирование поля;
- центр поля, в котором находятся единицы, близкие по своему значению к ядру;
- периферия поля, где располагаются единицы, наиболее отдаленные по своему значению от ядра поля, общее понятие которых сводится к потенциальной или вероятностной семантике.

Таким образом, семантические поля, входящие в состав гиперполя, были выведены по следующему плану:

- определение доминанты семантического поля;
- выделение ядра поля;
- распределение единиц внутри центра поля;
- выделение периферийных элементов поля;
- выявление типов категориальных семантических отношений между единицами поля.

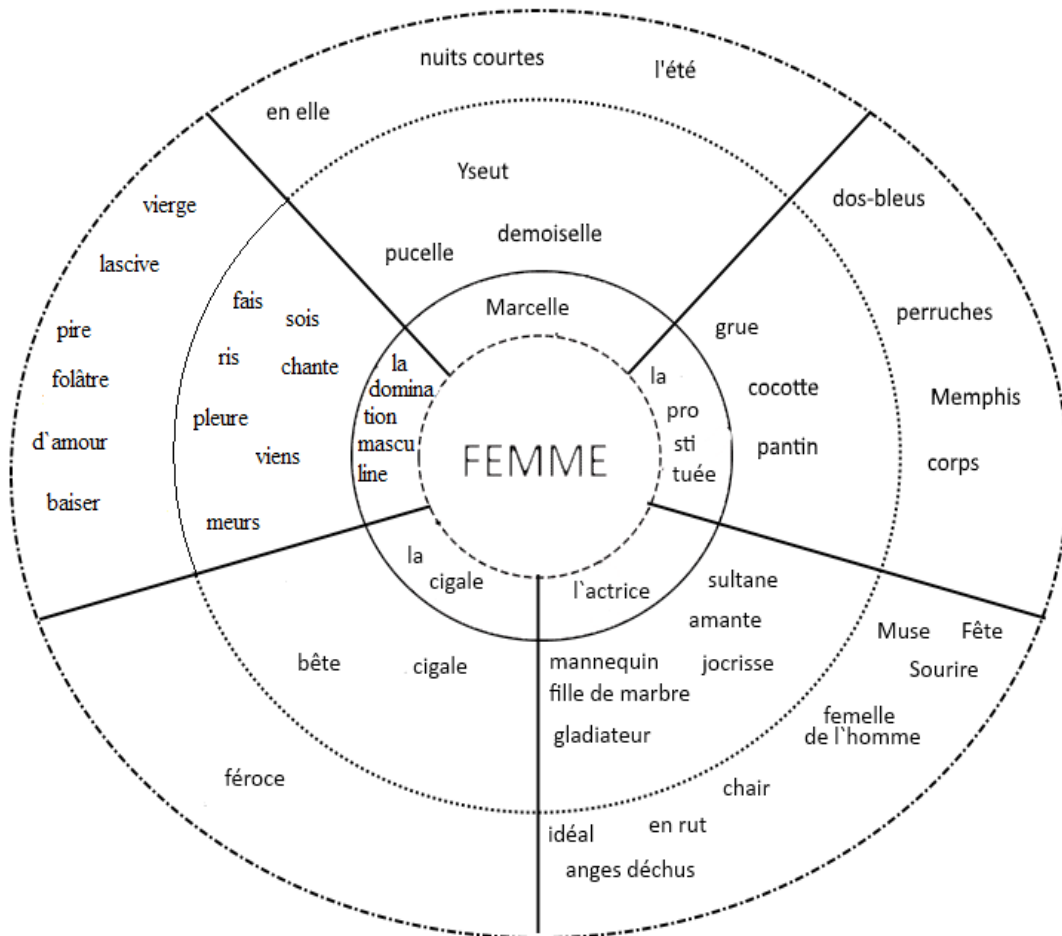
«Тристан воспевал превосходство женщины с таким же пылом, как и присущую ей спесь.» [6]. В лирике Корбьера образ женщины играет одну из ведущих ролей. Исследователи его творчества разделяют этот образ на четыре составляющие: «la cigale» (цикада), «Marcelle» (так называл поэт свою возлюбленную — Армиду-Жозефину Куччиани), «l'actrice» (актриса) и «la prostituée» (блудница) [6]. Взяв за основу уже имеющуюся группу понятий, формирующих образ женщины в лирике Корбьера, было выделено семантическое гиперполе «Femme», которое, в свою очередь, состоит из пяти семантических полей: «la cigale», «Marcelle», «l'actrice», «la prostituée», и «la domination masculine» (мужское доминирование), где представлена грамматическая особенность поэзии Корбьера — глаголы в повелительной форме (impératif), объединенные общей семантикой (доминантное поведение мужчины по отношению к женщине). Гиперсемой для всех пяти семантических полей является лексема Femme.

В первом семантическом поле «la cigale» (цикада) представлены лексемы, обозначающие представителей мира фауны в сравнительном значении по отношению к образу женщины.

Стихотворение «Le Poète et la Cigale» (Поэт и Цикада) является своеобразным подражанием басне Жана де Лафонтена «Цикада и Муравей» («La Cigale et la Fourmi») [5], в которой повествуется о певунье-цикаде, что «все лето пела» и, соответственно, не задумалась о приближающейся зиме и голоде, который она сулила, и скупом муравье, который иронично ответил цикаде: «Что ж, теперь плясать черед!» (Eh bien! Dansez maintenant). Корбьер же не берет на себя роль муравья, он также является «цикадой», которая просит у Марсель (что ясно из посвящения «К Марсели») son petit nom roug gimer (ее милое имя для рифмовки). Та же, в свою очередь, на благо поэта моментально соглашается на так называемую сделку: «Rimez mon nom... Qu'il vous plaise!» (Рифмуйте мое имя... Раз вам так угодно!). Стоит отметить, что с самого начала стихотворения поэт настаивает на статусе Марсель:

она обыкновенная blonde voisine (белокурая соседка), цикада, но ни в коем случае не Муза: «c'est tout ce qu'il vous faut? Votre Muse est bien heureuse...» (все, что вам необходимо, — чтобы ваша Муза была счастлива...) говорит Марсель в ответ на просьбу поэта. В «Вечной женственности» («à l'éternel madame») поэт не столько сравнивает женщину с животным, сколько призывает ее быть самым настоящим «зверем», используя повелительную форму глагола (l'impératif), что встретится не раз («fais-toi... bête»). Примечательно также то, что в стихотворениях «Femme»

(«Женщина») и «Pauvre garçon» («Бедняга») Корбьер в качестве эпитафии предлагает словосочетание «La Bête férocе» («Лютый зверь»), таким образом определяя женщину как безжалостную и беспристрастную хищницу. Итак, данное семантическое поле является небольшим, но достаточно значимым для выявления особенностей метафорических сравнений образа женщины. Ядром данного лексического поля являются лексемы la bête (зверь) и la cigale (цикада), а на периферии находится прилагательное férocе (свирепый).

В семантическом поле L'actrice представлены языковые единицы, демонстрирующие так называемые перевоплощения женщины. «Дама» Корбьера имеет бесчисленное множество имен, прозвищ, масок, дабы ее образ был всегда уникален, дабы у нее было такое же бесчисленное множество ролей. Такая особенность далеко не случайна — без сомнения, это прямая отсылка к образу Куччиани, той же Марсель, итальянской актрисы и возлюбленной поэта.

Особенность стихотворения «Вечная женственность» («à l'éternel madame») заключается в преобладании различных восклицательных обращений к женщине в виде метафорических сравнений. В первой строке стихотворения Корбьер ассоциирует женщину с mannequin idéal (идеальная кукла) и затем восхищается «Éternel Féminin!»

(Вечная Женственность!), ссылаясь на образ, который впервые использовал Гете для обозначения «трансцендентной силы, любовно поднимающей человека в область вечной творческой жизни» [9]. В данном случае интересно, что за, возможно, грубым метафорическим сравнением следует возвышенный образ, взятый из «Фауста» Гете. В строчке «Me montrer comme on fait chez vous, anges déchus.» (Чтобы показать мне, как это делается у падших ангелов) поэт обобщает женщин, называя их «падшими ангелами», то есть в понимании Корбьера женщина — то же божье существо, однажды предавшее нечто высокое во имя чего-то запретного, но чарующего, взбунтовавшееся, свергнутое и посланное на землю. Далее поэт восклицая обращается «Amante! Et meurs d'amour!» (Любовница! Умри от любви!), давая понять, что женщина, по сути своей,

всегда любовница, и любовь — не только смысл ее жизни, но и причина ее гибели. Затем также идет обращение, но снова как к бездушному существу: «Fille de marbre» (Мраморная девочка), дополняя его грубым словосочетанием «en rut» (брачный зов, во время течки). Следом идет обращение «chair de moi» (моя плоть) и «femelle de l'homme» (досл. Самка человека), тем самым обозначается принадлежность женщины к мужчине. Говоря о стихотворении «Настоящая женщина» («Féminin singulier»), стоит обратить внимание на первую же строфу: «Éternel Féminin de l'éternel Jocrisse!» (Вечная Женственность вечного Жокриса (простофили)!). Здесь, опять же, предложение составлено оригинально: возвышенная лексика смешивается с иносказательной бранной. В строфе «C'est le métier de femme et de gladiateur.» (Это ремесло женщины и гладиатора) Корбьер сравнивает женщину с гладиатором, то есть женщина — тот же боец, меченосец, сражающийся с такими же, как она, на потеху публики. В стихотворении «Un jeune qui s'en va» («Юноша, который уходит») Корбьер уже позволяет себе назвать женщину и Музой («Muse») и Улыбкой («Sourire») и Праздником («Fête») поэта. Затем Корбьер называет женщину «Sultane» (султанша), тем самым отмечая ее превосходство и величие. Итак, в данном семантическом поле ядром являются лексемы sultane (султанша), amante (любовница), jocrisse (простофиля), mannequin (кукла), fille de marbre (мраморная девочка), gladiateur (гладиатор), так как они непосредственно относятся к семе «l'actrice», периферию составляют такие языковые единицы и словосочетания, как idéal (идеальный), en rut (в брачном зове), anges déchus (падшие ангелы), chair (плоть), femelle de l'homme (женщина мужчины), Muse (Муза), Sourire (Улыбка), Fête (Праздник). В данном случае лексемы mannequin (кукла) и fille de marbre (мраморная девочка) связаны синонимией.

Семантическое поле la prostituée состоит из лексем, демонстрирующих женщину как представительницу низшего слоя общества, развратную и распутную, ее животную сущность.

Будучи игнорированным Марсель, Корбьер пытается забыться в обществе девушек легкого поведения. Под влиянием парижских «cocottes» (нигде не работающие девушки, живущие за счет богатых «дураков», которые придают большое значение самоуничтожению таких дам), желающих доброго дня, дабы «becqueter» (досл. поесть; здесь зарабатывать на еду), работающих за «un rond d'or sur l'édrédon» («золотой грош, кинутый на одеяло), не имевших обуви, кроме туфель на высоком каблуке, и непостоянства большего, чем любовное, Корбьер сочиняет «Прерванную идиллию» («Idylle coupée»). Стихотворение начинается строками «C'est très parisien dans les rues // Quand l'Aurore fait le trottoir, // De voir sortir toutes les Grues...» (Улицы Парижа естественны только тогда, когда на них по утрам выходят блудницы). Здесь Корбьер использует лексему grues, что в дословном переводе означает кран или журавль, а в разговорном варианте — это «распутница, блудница».

Возможно, такой выбор не столько обусловлен следованием рифмы, сколько первоначальным значением слова. Вероятнее всего, поэт хотел сравнить «блудниц» с прекрасными и свободными птицами. А может и тем, что Корбьера привлек столь красочный язык данного слоя общества, поэтому он и использует сленг нарушителей закона, стараясь сделать его более живописным, поэтическим. Корбьер без приукрашиваний демонстрирует «cocottes» (цыпочек), их «dos-bleus» (спины в синяках), их сутенеров и «petguches» («попугаев» досл.; здесь — «стакан абсента» в жаргоне пьяниц). Сквозь оживленные разговоры таких особ, Корбьер улавливает скользкую меж строк тему торговли своим телом: «— Vous comprenez; voici mon truc: // Je vends mes Memphis...» (Понимаете, вот и вся игра: я продаю свой Мемфис...) — а свое тело женщина легкого поведения называет не иначе, как «Memphis». Вечно меняющиеся имена проституток, которые использует Корбьер, вовсе не привлекают внимание читателя, пока поэт не дает волю реализму: он начинает говорить о Марсель, актрисе тысячи ролей, одной из которых могла стать роль распутницы: «Fais nous sauter, pantins, nous payons les décors! // Nous éclairons la rampe... Et toi, dans la coulisse, // Tu peux faire au pompier le pur don de ton corps.» (Взорви нас, марионетка (разг. бесхарактерный человек), мы же платим за убранство! Мы осветим рампу... а ты в закулисы отплатишь пожарному чистой жертвой — своим телом). Таким образом, ядром представленного семантического поля являются лексемы grue (блудница), cocotte (цыпочка), pantin (марионетка), ведь они так или иначе относятся к семе «la prostituée», а периферию составляют такие лексические единицы, как dos-bleus (спины в синяках), petguche (стакан абсента), Memphis (Мемфис), corps (тело). В качестве категориальных семантических отношений между единицами данного поля можно назвать синонимию (grue (блудница) — cocotte (цыпочка)).

В семантическом поле Marcelle представлены лексемы, так или иначе относящиеся к Армиде-Жозефине Куччиани.

Почему же именно Марсель? Изначально, «Marcelle» служила как удобная рифма к «en elle» (в ней), что, в свою очередь, рифмовалось с антонимами «ricelle» (невинная, девственница) и «demoiselle» (девушка, барышня, девица). По мнению поэта, ни одно из этих «качеств» Куччиани в себе не сохранила. Однако стоит обратить внимание, что история этого имени весьма примечательна: «Я взял его у своего брата» — говорит поэт, думая о Тристане де Лоннуа, который вместе с Изольдой образовал легендарную пару в кельтской мифологии. Именно в таком духе Корбьер дает имя своей возлюбленной, Марсель. Дело все в том, что, будучи с поэтом, актриса также принадлежала и другому мужчине, Родольфу де Баттину, как и Изольда была связана брачными узами с Марком, она была «Marcelle», «celle de Marc» (принадлежала Марку). Известно также, что дядя Тристана из легенды, Марк Корнуольский, за то, что охотился на принцессу Дахут, пока она была в облике лани, был затем ею заколдован: у него выросла грива

и уши, как у его коня [9]. А Корбьер же в дальнейшем своем творчестве, ненавязчиво эротическом, сопоставляет Марсель непосредственно с кобылой. На бретонском слово «лошадь» выглядит как *Mag'h*, что позволяет придать имени Марсель двусмысленное значение: «*celle du cheval*» (лошадь) и «*selle de cheval*» (лошадиное седло). Таким образом, в имени Марсель скрыта целая история несчастной любви поэта, но, тем не менее, составленная не без юмора.

В стихотворении «*Le Poète contumace*» («Поэт заочно») как раз описывается то место, где, умирая, Корбьер ждал свою «Изольту». Здесь поэт отмечает, что так называемая зима в его любви напоминает ему одну из частей той самой легенды. Ведь, действительно, дабы усмирить враждующих между собой Тристана и Марка, было принято решение, что Изольта будет принадлежать тому или иному в зависимости от сезона. Марк изволил жить с Изольдой в то время года, когда все листья с деревьев опадают, воздух становится холодным, то есть зимой, ведь тогда ночи гораздо длиннее. В свете этого становятся яснее строчки в стихотворении «*Élizir d'Amog*»: «— *Ouvre: je passerai vite, // Les nuits sont courtes, l'été...*» («Открой: я не задержусь, ведь ночи уже коротки, ведь лето...»), поскольку зимой 1871 года пара, Рудольф и Армида-Жозефина, возвращаются в столицу, и Корбьер больше не может называть ту, которую любил, Изольдой, ведь она уже не больше, чем просто Марсель, *та, которая принадлежит Марку*, среди безлиственных деревьев и длинных зимних ночей.

Итак, ядро данного лексического поля составляют такие лексемы, так или иначе относящиеся к семе «*Marcelle*», как *pucele*, *demoiselle*, *Yseut*, периферию же представляют следующие словосочетания и слова: *été*, *nuits courtes*, *en elle*. В качестве категориальных семантических отношений можно выделить синонимию («*été*» (лето) — «*nuits courtes*» (короткие ночи)) и антонимию («*pucele*» (девушка) — «*demoiselle*» (девица)).

Последнее из изученных лексических полей, *la domination masculine*, представляет собой, как было сказано ранее, грамматическую особенность поэзии Корбьера — преобладание повелительных наклонений глаголов (*impératifs*). В данном случае, семантическое значение находится под непосредственным влиянием грамматики, то есть самой же морфологии. Реализация морфологии лексем данного поля происходит как раз-таки за счет использования *impératifs*. Таким образом, в стихотворении «*À l'éternel madame*» (Вечная женственность) отношение к женщине демонстрируется как к своего рода той, что должна исполнять все желания и приказы, грубо говоря, как к рабыне: «*сядь на мои колени, когда я сам выберу для этого время*). Далее следует строчка «*fais roug pour la joie à la malheure*» (создай для нас радость в недобрый час (здесь представлена игра слов: *malheure* — беда, *un malheure* — недобрый час)) — поэт также утверждал, что женщина, по сути своей, всегда актриса, лицедейка, соответственно, она ловка в метаморфозе вне зависимости

от обстоятельств, то есть, она всегда на сцене, даже в «недобрый час». В строчке «*fais-toi vierge et lascive*» (будь невинной и сладострастной) демонстрируется то, как женщина противоречива и многообразна. «*et ris! et chante! et pleure...* Et meurs d'amour!» (И смейся! И пой! И плачь!.. и умри от любви!) — здесь Корбьер, скорее, позволяет женщине быть такой, какой она на самом деле является — разной и настоящей, он дарует свободу всему ее нутру. Такая благосклонность также присутствует в строчках «*Sois pire*» (будь вредной) и «*sois folâtre!*» (дурачься!), но затем поэт добавляет без восклицания «*... et pensive.*» (... и вдумчива.), напоминая женщине о том, что, несмотря на весь эмоциональный спектр, на который она способна, ей необходимо быть благоразумной. В последней строчке «*quand il gonflera — viens baiser ton Vainqueur!*» (когда он захрапит — поцелуй своего Завоевателя!) Корбьер называет мужчину «Завоевателем», тем самым указывая на то, что женщина — предмет овладения, захвата, покорения. Сама лексическая составляющая данного предложения весьма оригинальна: «когда он захрапит — поцелуй своего Завоевателя!», а именно привлечение глагола «*gonfler*» (храпеть) к такому высокому слову «*Vainqueur*», еще и написанному с заглавной буквы. Проще говоря, женщина, будучи в понимании поэта самим олицетворением любви, обязана днем и ночью окружать своего «*Vainqueur*» лаской и заботой, каким бы он ни был. Таким образом, ядром данного поля являются следующие повелительные формы глаголов, так как они напрямую связаны с семой «*la domination masculine*»: *fais* (делай), *sois* (будь), *viens* (приди), *ris* (смейся), *chante* (пой), *pleure* (плачь), *meurs* (умри), периферию же обозначают следующие лексемы: *vierge* (невинная), *lascive* (сладострастная), *pire* (вредная), *folâtre* (резвая), *baiser* (целовать), *d'amour* (от любви). В качестве категориальных семантических отношений следует обозначить антонимию (*vierge* (невинная) и *lascive* (сладострастная), *ris* (смейся) и *pleure* (плачь)).

Итак, в результате исследования особенностей образа женщины в поэзии Т. Корбьера в контексте оригинала с помощью метода семантического поля было выявлено, что данный образ, игравший одну из главных ролей в лирике поэта, был как и обличающим, так и восхваляющим «зеркалом» реального человека, его возлюбленной — Армиды-Жозефины Куччиани. В его восприятии «Она» — всегда разная и многообразная, она всегда актриса. Женщина безжалостна и свирепа, словно хищник, но и покорна одновременно; она свободна, легкомысленна, строптивая, распутна, но и невинна и чиста; пуста и фальшива, словно расписная кукла, но и искренна и истинна. Женщина — и Муза, и Улыбка, и Праздник для поэта. Но, как оказалось, далеко не всегда. Самая главная мысль, которую вложил Корбьер в этот образ, — женщина — это и есть любовь, противоречивая и многогранная, *кривая*, лишившись которой у поэта не остается ничего, кроме надрывающейся, разрывающейся на части души, кровоточащей сквозь каждую исполненную иронией строку.

Литература:

1. Бретон, Андре «Антология черного юмора», 1999 [85].
2. «Лингвистический энциклопедический словарь» / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М.: Большая рос. энцикл., 2002. URL: http://www.nlr.ru/res/inv/guideseria/yazyk/record_full.php?record_ID=40497.
3. Un Jour Un Poème URL: <http://www.unjourunpoeme.fr/auteurs/corbiere-tristan>.
4. Dictionnaire d'argot classique by Charles Boutler URL: <http://www.russki-mat.net/find.php?q=jument+%&c=lem&l=FrFr>.
5. «La Cigale et la Fourmi» («Цикада и Муравей») Ж. де Лафонтена в пер. Е. Фрог, 2013 URL: <https://www.stihi.ru/2013/08/07/329>.
6. URL: <http://www.corbiere.ville.morlaix.fr/tristan-corbiere/en-mots/index.html>.
7. Верлибры и другое. Проклятые поэты: французская поэзия конца 19, 2015 URL: <http://verlibr.blogspot.com/2015/04/19.html>.
8. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Dahut>.
9. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Вечная_женственность#cite_note-_a21eb3a1ea0675bb-1.

ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Состав медицинской терминосистемы «Канона врачебной науки»

Абдулхаирова Фируза Инваровна, докторант

Ташкентский государственный университет узбекского языка и литературы имени Алишера Навои (Узбекистан)

Маматова Нилуфар Абдухошимовна, старший преподаватель;

Абдурахманова Мадина Улугбековна, преподаватель;

Будикова Маргуба Хошимовна, преподаватель

Андижанский государственный медицинский институт (Узбекистан)

Ключевые слова: Авиценна, «Канон врачебной науки», кардиологическая терминология.

Говоря о тенденции развития медицины и об истории её становления как науки, нельзя обойти вниманием «Канон врачебной науки». Это труд великого врача, который смог систематизировать весь лексический пласт медицинской терминосистемы, сложившийся более чем за XI веков. В него включены и обобщены определения¹ и термины греческой, латинской, римской, индийской и арабской этимологий. Авиценна работал над этим трудом в течение нескольких лет и закончил его к 1020 году. Стоит упомянуть о фактах как: о нескольких переизданиях переводов труда², более 30 публикаций в Европе, признание главным руководством по медицине для всех вузов мира и настольной книгой для ведущих врачей на протяжении более 600 лет, и можно с уверенностью сказать, что «Канон врачебной науки» является самым известным и значимым трудом по медицине созданным когда-либо человеком.

Основной целью данной статьи является анализ кардиологической терминосистемы использованной ибн Синою в «Каноне врачебной науки», в частности, определение и анализ терминов из греческого и латинского языков.

Определив этимологию лексического пласта терминосистемы данного труда, мы сможем найти ответы на такие вопросы как: распространённость греческой и латинской терминосистем на территории Средней Азии, влияние арабского языка на мировую медицинскую терминологию и другие.

Из многих переизданий переводов «Канона врачебной науки», в основу настоящей статьи принята та медицинская терминология, которая получена в результате сравнительного анализа двух переводов, а именно перевод с арабского на русский У.И. Каримова и М.А. Салье 1979 г. и перевод

с арабского на узбекский А. Расулова и А.П. Каюмова 1979 г.

Сведения о достижениях медицины древнейших цивилизаций в распознавании и лечении болезней можно привести из вавилонских клинописных записей и из древнеиндийских вед, из египетских папирусов и китайских иероглифических рукописей. Наиболее же ранними из дошедших до нас письменных источников о медицине европейских стран являются несколько фрагментов медицинских текстов Алкмеона Кротонского (VI в. до н. э.). Вплоть до кризиса античного мира греческий язык фактически выполнял функцию международного языка медицины, служил средством профессионального взаимопонимания для врачей разных этнических групп. Через десятки лет после установления римского господства над Грецией (146 г. до н. э.) и ее бывшими владениями греческая медицинская терминология начала латинизироваться.

Периодом же рассвета и развития арабского языка и культуры в целом приходится на VIII век. А к IX–X вв. на арабский язык с греческого были переведены почти все сочинения античных врачей. На этой базе началось становление арабоязычной медицинской литературы, которая естественно в основном складывалась на основе уже существующего на тот момент XI веков греческого и латинского языков.

Подготовка материала для «Канона врачебной науки» началась именно в этот период рассвета «арабизации», во время работы ибн Сины в Бухарской библиотеке. У него зародилась идея создать обобщающий труд по медицине, где можно было бы найти название болезни со всеми ее признаками, а также указание на то, отчего она возникает и как ее можно излечить [1, с. 52]. Для этой цели ибн Сина делал необходимые выписки из различных медицинских книг, привезённых из Европы, а затем периодически обобщал их.

В ходе анализа кардиологической терминологии в труде, а это в I томе разделы «Артерия», «Вена»,

¹ Ибн Сина в своём труде даёт свои определения и наименования к некоторым уже существующим медицинским терминам и понятиям. Некоторые из них укрепились в международной медицинской терминосистеме.

² Первый перевод «Канона врачебной науки» был осуществлён Герардом Кремонским ещё в XII веке и разошёлся по всей Европе.

«Пuls» и в V томе раздел «Различные состояния сердца» нами было определено более 160 терминов греческого и латинского и около 20 терминов арабского происхождения. Но, следует сказать, что не все греческие и латинские термины в труде несут свои исконные значения. Ибн Сина в ходе своих исследований и практики внёс некоторые коррективы в их значения и дал им свои определения. Например: обморок, опухоль, шок, коллапс, сосуды, артерии, полость сердца, вены, полая вена, воротная вена, «одноглазая» кишка, лопаточная вена, лядвейная вена, нарыв, пульс и около 30 видам пульса, дав им свои наименования, и др.

В «Каноне врачебной науки» только новые наименования лекарств и определений различных медицинских процессов и анатомических терминов, введённых ибн Синой, имеют арабскую основу. Например: «**سيفاس (кифал)**» — происх. от. араб., на лат. «*vena serhalica*»; «**الاخاء (акхал)**» — происх. от араб., чёрная вена, это отросток кифала, дельтовидно разделяющийся в области запястья руки; и др.

Также термины и определения, подвергшиеся со стороны автора некоторой коррекции «арабизировались» или же по ошибке переводчиков потеряли своё исконное значение. Например: «**Слепую кишку**» происх. от лат. «*caecus, cecum*» — слепой, Авиценна называет «**الأعور (одноглазый)**»; слияние венозных пазух твёрдой мозговой

оболочки он называет «**المعصرة (Давильня)**»; средневековые европейские медики называли «**железная вода — aqua ferragium**», а ибн Сина назвал «**Кузнечная вода**» и др.

Из выше изложенного материала и проведённого анализа можно прийти к следующему заключению:

1) «Канон врачебной науки» является энциклопедическим трудом по медицине, включивший в себя опыт ведущих врачей со всего мира, а это в частности Греция и Римская империя, в его лексическом пласте значительное место занимают термины именно греческого и латинского происхождения уже установившиеся к тому времени как международный язык медицины;

2) За столь широким употреблением греческих и латинских терминов в труде Авиценны можно судить об установлении к тому времени международной медицинской терминологии на основе греческого и латинского языков и их распростёртую географическую оккупацию, простиравшуюся вплоть до востока.

3) Ибн Сино создав труд «Канон врачебной науки» не только ввёл новые термины в медицину (нами исследована в частности кардиологическая терминосистема), но и широкое использование в труде медицинских терминов разной этимологии позволило сохранить их, а уточнение и конкретизация их значения и определения позволило сократить синонимию.

Литература:

1. Абу Али ибн Сино «Тиб қонунлари», «Фан» нашриёти, Т., 1979.
2. Абу Али ибн Сино «Канон врачебной науки», Изд. «Фан», Т., 1979.
3. Абу Али ибн Сино «Канон врачебной науки», Издательство медицинской литературы им. Абу Али ибн Сино Т., 1996.
4. Ибн Сина (Авиценна). Избранные философские произведения. — М.: Наука, 1980.

Основные аспекты комплексного социолингвистического и прагмадискурсивного моделирования англоязычного научно-популярного экономического дискурса¹

Багиян Александр Юрьевич, кандидат филологических наук, доцент,
Пятигорский государственный университет

В статье рассматриваются основные принципы и особенности социолингвистического проектирования модели научно-популярного дискурса на примере его англоязычного экономического варианта. Делается ряд выводов относительно его социолингвистической и прагмадискурсивной направленности в рамках современных экстралингвистических глобализационных процессов.

Ключевые слова: дискурс, моделирование, социолингвистика, научно-популярный дискурс, популяризация.

¹ Публикация выполнена в рамках проекта «Концептуальное лингвопроектирование профессиональной идентичности в инновационной экономике: лингвокогнитивное, социо-лексикографическое и прагма-аксиологическое моделирование русскоязычного и западноевропейского научно-популярного дискурса» по гранту президента Российской Федерации (№ МК-6895.2018.6; руководитель — А. Ю. Багиян)

Для более четкого понимания той научной системы координат, в рамках которой проводится данное исследование, считаем необходимым начать с обозначения ключевых элементов, необходимых для его проведения.

Мы склонны рассматривать дискурс с точки зрения когнитивно-коммуникативного подхода, в рамках которого он считается интегральным явлением, сочетанием процесса и результата, которое включает в себя и лингвистические и экстралингвистические факторы, обуславливающие выбор языковых средств. Дискурс является важнейшей частью социальных отношений, где с одной стороны он их создает, а с другой — ими же и создается.

Экономический дискурс считается комплексным, разноаспектным институциональным образованием, где коммуниканты представляют конкретный социальный институт. Экономический дискурс имеет четкую коммуникативную и культурологическую установку, свойственную прагматическую нагрузку и стилистическую упорядоченность. Помимо этого, он обладает общепринятыми нормами коммуникации так же, как и социально-стратификационным компонентом, который выражается в составлении делового общения согласно иерархическому принципу, приводящий к выполнению фатической, эмотивной и побудительной функций данной коммуникации.

Рассматривая гипо-гиперонимическую обусловленность рассматриваемых феноменов, отметим, что экономический и профессиональный дискурсы являются тождественными феноменами, однако экономический дискурс является отдельным случаем профессионального дискурса. Тем не менее, нельзя сравнивать экономический дискурс с бизнес-дискурсом, т. к. последний входит в более многофункциональный деловой дискурс.

Важно подчеркнуть, что нынешний этап развития и деятельности англоязычной экономической коммуникации обладает стремлением к свободному введению в дискурс языковых методов и средств, которые до этого было принято считать нетипичными, не соответствующими общепринятым нормам, регулирующие словесную экономическую интерактивность. Таким образом, одним из самых важных вопросов лингвистики в сфере экономики считается характер эволюционной нацеленности англоязычного экономического дискурса в ходе урегулирования его прагматических параметров и уменьшения его ригористичности.

Одной из важных составляющих адекватной интерпретации любого вида дискурса и соответствующего использования его функциональных возможностей является комплексное лингвистическое моделирование с обязательным учетом социолингвистического и прагматического аспектов исследуемого коммуникативного феномена.

При более детальном изучении закономерностей и существенных характеристик научно-популярного экономического дискурса, его можно охарактеризовать с помощью следующих стандартного набора категорий: участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии, материал, разновидности

и жанры, прецедентные тексты, дискурсивные формулы [2]. С целью более наглядного представления основных характеристик и параметров научно-популярного экономического дискурса, считаем необходимым проведение основ его моделирования в его непосредственной корреляции с изначальным экономическим дискурсом.

Согласно многим исследованиям, экономический дискурс определяется конкретным набором участников: юридические и физические лица, государство, журналисты, ученые, научные сотрудники, преподаватели и другие. Иными словами, ригористичность и жесткая регламентированность данного вида дискурса прослеживается и в наборе его коммуникантов. В рамках научно-популярного экономического дискурса набор участников оказывается представлен совсем по-другому: данная структура больше напоминает ситуацию бизнес-медиа, в рамках которого общение происходит по схеме «специалист — неспециалист».

Представляя собой обоснованную связь пространственно-временных отношений, в экономическом дискурсе, хронотоп имеет свои особенности: он разделяется на понятие социального времени (восприятие протекания общественной жизни, переживаемое каждым человеком, на интуитивном уровне) и на понятие социального пространства (система общественных отношений, которая интуитивно воспринимается каждым человеком) [7, с. 80–81]. Что касается научно-популярного экономического дискурса, данными ограничениями его охарактеризовать нельзя, т. к. он может быть осуществлен почти везде, без каких-либо временных ограничений.

Мы считаем, что главной целью экономического дискурса является осуществление профессиональной взаимовыгодной деятельности, установление особых правил сотрудничества между коммуникантами. Говоря об осуществлении главной коммуникативной цели экономического дискурса, стоит обратить внимание на превалирование административно-информационного и кооперативного компонента коммуникативного взаимодействия.

Что касается научно-популярного экономического дискурса, то его целевой направленности присущ отвлеченный характер. Нам также следует отметить, что для произведений экономического дискурса, как и произведений научно-популярного экономического дискурса, целью считается представление определенного фрагмента научно-деловой картины мира в таком виде, в каком он представлен в произведениях различных ученых в области экономики. Однако в данном представлении в научно-популярном экономическом дискурсе является распространение особых социологических и научных исследований и их плоды в качестве главного компонента, а также популяризация положения экономического и бизнес-сообщества и передача данных фактов широкой аудитории [6, с. 43]. Из этого мы можем сделать вывод, что популяризаторская функция является одной из преобладающих в научно-популярном экономическом дискурсе.

Для сравнения приведем примеры текстов экономического дискурса и научно-популярного экономического дискурса.

“The contracting parties recognize that, in adopting and enforcing laws and regulations relating to marks of origin, the difficulties and inconveniences which such measures may cause to the commerce and industry of exporting countries should be reduced to a minimum, due regard being had to the necessity of protecting consumers against fraudulent or misleading indications” (The General Agreement on Tariffs and Trade, 1986).

В данном примере экономического дискурса мы наблюдаем четкое и продуманное построение языкового материала в соответствии с изначально поставленными целями. Вся смысловая нагрузка текста сконцентрирована на деловой составляющей экономического характера.

“But it is the way that the question is posed, rather than the way economists choose to answer it, that is the real problem. Gift — giving does not occur in a vacuum; people do not randomly set out to raise the welfare of their loved ones with festively wrapped gifts. Rather, it occurs within a very specific social context: the holiday season. Why do people do Christmassy things at Christmas? Why do they place tinsel-strewn trees in their homes and let their children sit on the laps of men dressed as Santa? They do so because they are participating in a long — practised mass social ritual. Assessing gift — giving without taking account of this social context is a near-useless exercise” (The Economist, 2017).

В этом же фрагменте научно-популярного экономического дискурса показано совсем другое построение целевой идеи при помощи свободного построения текста и использования обиходного лексического запаса, что было сделано с целью языкового и концептуального упрощения описываемой теории с ее последующей популяризацией.

Ценностная ориентация экономического дискурса основывается на поиске знаний, доказательстве его справедливости, его увеличении, а также на уважительном отношении к нему. Особые ценности, следующие из вышеперечисленного, сводятся к получению прибыли, результативному управлению бизнесом, созданию партнерских отношений, изучению конкуренции на рынке и т.д. В этом мы наблюдаем ярко выраженное совпадение целевых установок экономического дискурса и научно-популярного экономического дискурса, т.к. если бы у научно-популярного экономического дискурса не имелось бы хотя бы одного из вышеперечисленных компонентов, то он бы лишился статуса научности [3, с. 24]

В качестве основных коммуникативных стратегий экономического дискурса выступает комплекс административно-принудительных, аргументативных и манипулятивных стратегий, о которых мы писали раньше. Они осуществляются в переговорах, интервью, презентациях, беседах и типизируемой периодике. В случае с соответствующим научно-популярным дискурсом доминантный характер приобретают информирующие и аргументативные

стратегии, целью которых является оказание определенного суггестивного воздействия на адресата.

Материал экономического дискурса обуславливает тематический материал научно-популярного экономического дискурса, находящийся от него в полном подчинении. Это подтверждено следующим фактом: в случае рассмотрения тематики научно-популярного дискурса как конкретного семантического множества, оно обязательно будет считаться подмножеством по отношению к тематике в сущности научного дискурса [1, с. 84] Что касается научно-популярного экономического дискурса, то он представляет собой множество, которое относится как к научно-популярному, так и к экономическому дискурсу.

Изучая допустимую стратификацию научно-популярного экономического дискурса и его жанровую разновидность, нам стоит отметить, что этот параметр показывает практически полную привязанность научно-популярного экономического дискурса к массмедийному дискурсу благодаря демонстрации выполнения принципа вторичности произведений научно-популярного дискурса по отношению к произведениям научного дискурса (в нашем же случае научно-популярного экономического дискурса по отношению к экономическому дискурсу). Однако ни композиционно, ни в смысловом отношении научно-популярный дискурс не базируется на конкретных предыдущих текстах [6, с. 228].

Что касается прецедентных текстов, то сходство научно-популярного экономического дискурса и экономического дискурса выражается в значимости этих текстов как источника важной научной информации и высокой степени интертекстуальности. Различие состоит в том, что, зачастую, в экономическом дискурсе наблюдается так называемый индекс социального статуса, который предварительно определяет положение адресата в иерархии и его социально-профессиональный статус. Касательно научно-популярного экономического дискурса важно отметить, что в нем интерактивность и влияние на адресата выражено в более свободном виде моделирования и может быть описано фактически полным отсутствием сценария при построении текста, а не базируются на правилах и нормах общения, принятых в деловых кругах.

Особое внимание нам стоит уделить интертекстуальности как свойству научно-популярного экономического дискурса. Данное явление принято считать естественным механизмом смысло- и текстообразования, включающим «встречное наложение разных ментальных, то есть над- и предтекстовых текстур, кодовых систем, операций, фреймов в процессе производства текстов» [6, с. 228]. Мы разделяем данную точку зрения, но склоняемся к семиотико-синергетическому подходу в формулировке интердискурсивности, в соответствии с которой она определяется как «дискурсивная способность показывать свои основные, особо важные признаки в нетипичной для данного вида дискурса ситуации, относящиеся к другому виду дискурса. Дискурсивная способность раздвигать рамки,

«пронизывая» другой дискурс» [4, с. 31]. А принимая во внимание тот факт, что научно-популярный экономический дискурс представляет собой нечто вроде проникновения экономического дискурса в дискурс средств массовой информации, где интердискурсивность является одним из наиболее важных аспектов научно-популярного экономического дискурса, считаем очевидным обозначить интердискурсивность в качестве одного из основополагающих параметров научно-популярного экономического дискурса.

В пользу данной мысли также выступает тот факт, что феномен интердискурсивности и дерегламентации напрямую коррелируют друг с другом, т.к. внутри системы дискурса и между из разнообразными системами изменяются границы при совместном использовании различных дискурсов в одном коммуникативном событии при помощи нового использования дискурсов [5, с. 28]

Существенные различия между экономическим дискурсом и научно-популярным экономическим дискурсом наблюдаются касательно дискурсивных формул. Прагматическим предположениям научно-популярного экономического дискурса представляет контраст четко очерченная нормативность языковых средств, высокая степень моделируемости профессионально-ориентированных текстов экономического дискурса, а также точность и тонкость в выстраивании информационной архитектуры текста. Принудительным для научно-популярного экономического дискурса является наследование характерных для экономического дискурса формул, т.к. прагматическая идея научно-популярного экономического дискурса направлена на доступность информации и увеличение интереса к ней потенциального адресата. Информационная избыточность, свойственная научно-популярному экономическому дискурсу, создается именно с этими установками, как и весь остальной комплекс приемов популяризации, который включает в себя набор лексических, синтаксических, архитектурных и паратекстуальных приемов [1, с. 14].

Литература:

1. Багиян А. Ю. Детерминологизация английской технической терминологии в научно-популярном дискурсе: дис... канд. филол. наук. — Пятигорск, 2014. — 173 с.
2. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. — Волгоград: Перемена, 2000. — С. 5–20.
3. Кобозева М. А. Когнитивные и речевые стратегии ввода темы в научно-популярном дискурсе: дис... канд. филол. наук. — Ставрополь, 2011. — 236 с.
4. Олизько Н. С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Челябинск, 2009. 49 с.
5. Филипс Л., Йоргенсен М. Дискурс-анализ. Теория и метод. — Харьков: Гуманитарный центр, 2008. — 352 с.
6. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. — М.: Либроком, 2009. — 248 с.
7. Ширяева Т. А. Деловой дискурс: язык, знание, текст: монография. — Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2009. — 154 с.

Из проведенного анализа видится необходимым обозначить следующие выводы:

1. Научная популяризация является важнейшей частью социальной жизни и в системе социальных институтов играет важную роль, т.к. процесс научной популяризации включает в себя более масштабный социально-экономический контекст, охватывающий как политику, так и массовую коммуникацию, характеризующую популяризацию необходимым компонентом при создании общества. Популяризация также считается сложным, прагматически зависимым и многоуровневым процессом, который использует психолингвистические и когнитивные конструкции понимания и постижения действительности. Процесс распространения научных знаний проникает во все релевантные сферы жизнедеятельности человека, в частности в области экономики, наличие и формирование которой является крайне важным для развития цивилизации.

2. Научно-популярный экономический дискурс является неотъемлемым элементом современной коммуникации как сугубо профессионального, так и обывательского характера. Данный феномен можно охарактеризовать как пример ограниченной совокупности и обоюдного проникновения важных параметров экономического дискурса и лингвопрагматических направлений медиадискурса, представляющий собой сравнительно самостоятельный тип дискурсивный типа. Одним из интегральных компонентов данного вида дискурса является вторичное представление теоретико-практического материала исходного экономического дискурса; в таком случае, репрезентация определенного материала совершается доступным для малоподготовленного адресата способом.

3. Ориентированность сообщения, имеющего научно-деловое направление, на малоподготовленного, но желающего получить новые знания, адресата считается одной из важнейших функций научно-популярного экономического дискурса, так же как и основным компонентом коммуникации.

Языковая личность и проблема коммуникативной компетентности

Мичурова Анастасия Александровна, аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Одной из характерных тенденций современного этапа развития языкознания является детальная разработка проблемы человеческого фактора в речевой деятельности. В новой лингвистической парадигме на первый план выдвигается языковая личность. Она является тем объектом исследования, где сталкиваются интересы лингвистов, культурологов, социологов, философов.

В лингвистике термин «языковая личность» впервые употребил В. В. Виноградов, хотя идея впервые зародилась в XVIII—XIX вв. в трудах В. Фон Гумбольдта и И. Г. Гердера, затем получила развитие в трудах Л. Вайсгербера, И. А. Бодуэна де Куртенэ, К. Фосслера и др. В отечественном языкознании — это труды Г. И. Богина, С. Г. Воркачева, В. И. Карасика, Ю. Н. Караулова, К. Ф. Седова и др.

В широкий научный обиход термин «языковая личность» ввел Ю. Н. Караулов. Согласно его определению, языковая личность — это человек, обладающий способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся: «степенью структурно-языковой сложности; глубиной и точностью отражения действительности; определенной целевой направленностью. В этом определении соединены способности человека с особенностями порождаемых текстов» [3, с. 3]. Данная модель включает в себя три структурных уровня.

Первый — «вербально-семантический, предполагающий для носителя языка нормальное владение естественным языком.

Второй уровень — «когнитивный, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в упорядоченную «картину мира».

Третий — прагматический — «выявление и характеристика мотивов и целей, движущих развитием языковой личности», взаимодействие уровней образует «коммуникативное пространство личности» [3, с. 8].

Таким образом, уже в самом выборе языковой личности в качестве объекта лингво-психологического изучения заложена потребность комплексного подхода к ее анализу, возможность и необходимость выявления на базе дискурса не только ее психологических черт, но философско-мировоззренческих предпосылок, этно-национальных особенностей, социальных характеристик, историко-культурных истоков. Даже психолингвистический аспект владения культурой речи связан с понятием языковой личности. Овладение языком — его лексикой, грамматикой, стилистикой, произносительной сферой — создает внутренний образ мировоззрения людей и каждого человека.

В понятии языковой личности фиксируется связь языка с индивидуальным сознанием личности, с мировоззрением. Любая личность проявляет себя и свою субъектность не только через предметную деятельность, но и через общение, которое немислимо без языка и речи. Речь человека

с неизбежностью отражает его внутренний мир, служит источником знания о его личности. Более того, «очевидно, что человека нельзя изучить вне языка...», поскольку, даже с обывательской точки зрения, трудно понять, что представляет из себя человек, пока мы не услышим, как и что он говорит. Но также невозможно «язык рассматривать в отрыве от человека», так как без личности, говорящей на языке, он остается не более чем системой знаков. Эта мысль подтверждается В. Воробьевым, который считает, что «о личности можно говорить только как о языковой личности, как о воплощенной в языке» [1, с. 26]. По мнению Ю. Н. Караулова, «языковая личность — вот та сквозная идея», которая «пронизывает все аспекты изучения языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека вне его языка». Языковая личность является видом полноценного представления личности, вмещающим в себя и психический, и социальный, и этический и другие компоненты, но преломленные через ее язык, ее дискурс.

«Языковая личность» — творец новой коммуникативной нормы, благодаря которой он становится интересен и необходим в ситуации общения и реализует себя как личность, создавая в процессе коммуникации атмосферу взаимодействия, необходимую для самореализации и одновременно интересную собеседникам, «языковая личность» делает это свободнее, талантливее, ярче и артистичнее, чем обычный исполнитель существующих социальных норм. Но понятие «языковая личность» является многоуровневым и многогранным: Я-физическое, Я-социальное, Я-интеллектуальное, Я-эмоциональное, Я-речемыслительное.

В процессе коммуникации мы воздействуем на все вышеназванные уровни активности личности. Неповторимость языковой личности определяется уровнем развития всех ее деятельностных аспектов, уникальной взаимообусловленностью ценностных ориентиров (общей культурой личности), комбинацией языковых проявлений, характерных для индивидуального стиля общения.

Развитие этих качеств личности мы связываем с формированием коммуникативной компетентности. Коммуникативная компетентность — важнейшая проблема современной ситуации общения, а ее решение могло бы обеспечить формирование навыков эффективного речевого поведения. Коммуникативная компетентность предполагает не только знание норм и правил, но не менее важным представляется искусство владения речью в гармоничном единстве всех средств общения как вербальных, так и паралингвистических, а также и экстралингвистических факторов.

Коммуникативная компетентность — это обобщающее коммуникативное свойство личности, включающее в себя

коммуникативные способности, знания, умения и навыки, чувственный и социальный опыт в сфере делового общения.

Коммуникативная компетентность складывается из способностей:

1. Давать социально-психологический прогноз коммуникативной ситуации, в которой предстоит общаться;
2. Социально-психологически программировать процесс общения, опираясь на своеобразие коммуникативной ситуации;
3. Осуществлять социально-психологическое управление процессами общения в коммуникативной ситуации [4, с. 54].

Уровень коммуникативной компетентности проявляется в трех аспектах процесса общения — коммуникативном, перцептивном, интерактивном; каждый из трех аспектов предполагает наличие коммуникативной компетентности в области:

— **Профессиональной культуры речи** — владение фундаментальными знаниями в конкретной профессиональной сфере, умение строить монологическую речь, вести профессиональный диалог и управлять им.

— **Коммуникативной культуры** — культуры речи, культуры мышления, эмоциональной культуры.

— **Коммуникативного поведения** — владение паралингвистическими средствами общения, экстралингвистическими факторами.

Понятие «эффективность речевой деятельности» неразрывно связано с понятием «языковая личность». Само понятие «эффективность» — неоднозначно, смысл его зависит от значения и зависимости субъекта от внешних (объективных) и внутренних (субъективных) обстоятельств. Речевая деятельность предполагает постоянную, и в то же время динамическую соотнесенность этих обстоятельств в конкретной речевой ситуации. Речевая деятельность коммуникантов направлена в этой связи на установление отношений взаимопонимания и взаимного интереса друг к другу и к предмету обсуждения. Нарушение взаимопонимания зависит от собственно лингвистических факторов (языковых помех и коммуникативных неудач), но и от лингво-прагматических факторов.

Первая группа причин порождается в основном самим устройством языка и правилами его использования: особенностями жанра речевого общения, неоднозначностью и динамичностью словоформ и конструкций; их неточным или недостаточно точным использованием в конкретной ситуации общения — неправильной денотативной соотнесенностью лексем, что приводит к частичному или полному непониманию сказанного, а в результате к состоянию

«речевого дискомфорта» (С. Г. Ильенков). В лингвистическом смысле этому состоянию соответствует несовпадение речемыслительного кода говорящего и слушающего.

Подобная рассогласованность в ситуации общения может быть вызвана и субъективными причинами, например отсутствием речевой культуры — незнанием правил и норм общения (языкового вкуса, языкового стиля у участников коммуникации). Безусловно, языковой вкус и стиль — категории эстетические, а потому индивидуальные. Языковая личность в этом случае является неповторимой и творческой индивидуальностью, создающей свой индивидуальный стиль общения.

Но для эффективности речевой деятельности коммуникантов необходима соотнесенность этих двух аспектов общения — языковой культуры и индивидуального стиля общения. Важнейшим условием успешности речемыслительной деятельности является культура общения, объединяющая все сложные компоненты процесса общения. В реальной речевой ситуации культура общения проявляется в выборе вербальных и невербальных средств коммуникации и их соотнесенностью с ситуацией общения. Выбор определяет языковой вкус и стиль речи говорящего, влияет на успешность его коммуникативной деятельности — является показателем его общей культуры.

Устная спонтанная речь в зависимости от ситуации общения может различаться по стилю: от официально-делового до дружеско-доверительного и эмоционального стиля общения. Выбор языковых и неязыковых форм общения различен и определяется интенциональной стороной высказывания. Умение соотнести свой индивидуальный стиль общения и языковой вкус и стиль собеседника — также важнейший компонент эмоционально-психологической стороны общения. Учитывать не только индивидуально-личностные, но и речевые особенности собеседника — важнейший фактор успешности речевой деятельности.

Обмен информацией и установление отношений взаимного доверия и симпатии требуют от участников языкового чутья, интуиции, языкового образования, а также языкового сознания — осознанности собственного речевого поведения в ситуации выбора, соотнесенности целей и методов. Эффективность выбора в ситуации общения зависит от уровня развития языковой личности.

Это позволяет создать неповторимый индивидуальный стиль общения, именно благодаря которому, по нашему мнению, возможно осуществление принципа «коммуникативного сотрудничества», а в дальнейшем достижение целей общения — понимания и самореализации личности.

Литература:

1. Воробьев В. В. Языковая личность и национальная идея [Текст] / Воробьев В. // Народное образование. — 1998. — №5. — С. 25–30
2. Ильенко С. Г. К поискам ориентиров в речевой конфликтологии // Аспекты речевой конфликтологии. — СПб., 1996. С. 3–13.

3. Караулов Ю. Н. Язык и личность. М.: Наука, 1989. — С. 3—8.
4. Петровская Л. А. Компетентность в общении. М.: Изд-во МГУ, 1989.
5. Пивонова Н. Е. Кросскультурные коммуникации: Учебное пособие, СПб.: ИВЭСЭП, 2008.

Сущность эпистемичности модальных глаголов в немецком языке

Радченко Дарья Владимировна, студент магистратуры

Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко

В статье проводится детальное изложение зависимости между событийной структурой и модальной интерпретацией, в частности модальных глаголов и цитативных модальных глаголов; резюмируются основные работы по эпистемичности; рассматриваются характерные черты модальных глаголов как системообразующих эпистемических модификаторов. Основано на материалах магистерской работы.

Ключевые слова: эпистемичность, модальные глаголы, цитативные модальные глаголы, деонтичность, системная лингвистика.

Еще В. Абрахам в своей работе указал на факт существования неоспоримой зависимости между интерпретацией модального глагола и аспектной спецификацией его инфинитивного дополнения [1, с. 23]. В то время как модальные глаголы с перфективным инфинитивом склоняются к обстоятельству прочтению, модальные глаголы с имперфективным инфинитивом чаще трактуются в эпистемическом прочтении. Данная работа рассматривает эту взаимосвязь с новой точки зрения. Вместо приписывания многозначности модальных глаголов общим грамматическим категориям, таких, как вид глагола, рассматривается внутренняя структура модальных глаголов.

1. Эпистемические модальные глаголы в немецком языке

На протяжении последних 30 лет немецкие модальные глаголы привлекают значительное внимание исследователей. В течение этого времени было опубликовано множество передовых исследований, в которых эпистемические модальные глаголы играют особую роль. К ним относятся работы А. Кратцер, Г. Ёльшлегера, В. Абрахама, Г. Фрица, Г. Дивальд и М. Райз.

К эпистемическим модальным глаголам в узком смысле слова относятся:

(1) kann, könnte, muss, müsste, dürfte, sollte, mag, (will), (möchte).

Мы упомянули здесь лишь финитные формы, поскольку отсутствует согласованность, располагают ли эпистемические модальные глаголы также инфинитивными формами.

Эти 7 (или 9) элементов объединяет то, что они выражают отмежевание говорящего от истинности пропозиции. Говорящий сообщает с помощью эпистемически модифицированного высказывания, что пропозиция *p* не принадлежит к его системе знания фактов, но его осведомленность заставляет (или позволяет) ему считать *p* истинным.

(2) Huguenaу kann der Mörder sein.

(3) Frau Hentjen muss der Mörder sein.

В эпистемической интерпретации обоих предложений существует необходимость (возможность) не в фактическом внешнем мире, а исключительно между осведомленностью говорящего и выведенной из нее гипотезой. Таким образом, эпистемическое *muss* (*p*) обозначает, что все факты, известные говорящему заставляют его сделать предположение, что *p* имеет оттенок эпистемического *kann* (*p*), таким образом, что система знания фактов позволяет говорящему выражать уже твердое убеждение.

Место предиката в приведенных выше примерах может занять любой модальный глагол из множества элементов (1). Эти замещения сопровождаются незначительными сдвигами в значении, которые чаще всего касаются степени возможности (вероятности, правдоподобия). В большинстве случаев основное лексическое значение модального глагола вносит специфические семантические аспекты. Например, *mögen* является носителем уступительного оттенка значения, что объясняется чертой реактивности.

Некоторые модальные глаголы могут быть интерпретированы эпистемически только при наличии морфологических признаков Конъюнктива II. Это касается прежде всего глаголов *dürfen* и *sollen*. Не будучи осведомленным об этой особенности, Бех в своей классификации [2, с. 34] указывал на большое сродство между этими глаголами. В их основе лежит форма волитивного глагола *wollen*. В противоположность *wollen*, где субъект воли всегда тождествен субъекту предложения, в предложениях с *sollen* и *dürfen* субъект воли остается неназванным. Вернее сказать, субъект в этих случаях нельзя идентифицировать с субъектом воли. Таким образом *sollen* указывает на волю другого (основываясь на внутренней необходимости), *dürfen* — на слабовыраженность воли третьего лица (основываясь на внутренней потенции). Возможно, именно эти волитивные компоненты ответственны за дивергентный характер *sollen* и *dürfen*.

Центрование эпистемической модальности вокруг сослагательных глагольных форм не ограничивается

только немецким языком, а имеет место и в других европейских языках. Однако, из этого нельзя сделать вывод, что Конъюнктив II ввиду своей контрафактической presupпозиции, так же, как и негативный контекст, исполняет важную каталитическую функцию, которая в диахроническом образовании эпистемических модальных глаголов играет важную роль. Но по утверждению Г. Дивальд, взаимодействие между модальными глаголами настолько многопланово, что их взаимовлияние до сих пор, в целом, не может быть адекватно осознано [3, с. 128].

Значительная согласованность выделяется в семантике эпистемических глаголов. Они ссылаются на знание говорящего и вследствие этого всегда обладают более широким скопусом чем их не-эпистемические контрадикты. Гораздо менее ясным является разграничение между разными вариантами значений; в частности, вопрос об отношении эпистемических форм употребления к остальным модальным глаголам является предметом живой дискуссии.

2. Краткое резюме исследований эпистемичности в немецкой лингвистике

Из всех дисциплин системной лингвистики едва ли найдется одна, которая обстоятельно не занималась немецкими модальными глаголами. В центре нашего внимания находятся лишь работы по синтаксису и семантике; работы по морфологии и прагматике не анализировались. Во время работы с источниками мы исходили из двух основоположных вопросов

1) Как в разных исследованиях рассматривается разнообразие значений модальных глаголов?

2) Какую роль в них играют эпистемические варианты?

Авторы проанализированных нами исследований колеблются между двумя крайностями: либо принимается в расчет единый элемент описания для каждого модального глагола, либо каждой форме употребления придается собственный описательный элемент. Большинство теорий пытаются следовать срединным путем, что ввиду сложной и запутанной позиции является разумным решением. Впрочем, желательно придерживаться семантического единства модальных глаголов. Расщепление различных значений модальных глаголов на автономные описательные элементы неизбежно закончилось бы проблемой омонимии, на что указывали в своих работах В. Хаквард [7] и Э. Свитсер [10, с. 76]. В таком случае между элементами с аналогичным значением отсутствовала бы лингвистическая зависимость, все подобие сводилось бы к случайности. Итак, такая точка зрения является аберрацией.

В рассмотренных работах принимается в расчет потребность в нормированном значении модальных глаголов. Кроме того, необходимо упомянуть концепцию интеркатегориальности Г. Дивальд [3, с. 74], гипотезу В. Абрахама о том, что событийная структура инфинитивных комплексов может быть решающей для интерпретации модальных глаголов [1, с. 46]. В работе М. Райз обнаруживаем указания на то, что многообразие значений модальных глаголов

проще и эффективнее всего описывается с помощью лексических правил [9, с. 293].

Итак, каждый модальный глагол имеет собственный базовый элемент описания, в котором содержится его значение. Дальнейшие варианты возможно образовать лишь с помощью лексических правил, которые производят новый лексический описательный элемент. Функция лексических правил заключается в аннулировании либо блокировке существующих черт из базового описательного элемента. Важно подчеркнуть, что выделенные таким образом варианты не имеют никаких лексических описательных элементов, существующих независимо от базового элемента; напротив, варианты значения существуют лишь в зависимости от базового описательного элемента.

Ввиду того, что данная работа посвящена эпистемическим модальным глаголам, вовсе не принимались во внимание не-эпистемические формы употребления. Руководствуясь терминологией А. Кратцер [7, с. 640] все не-эпистемические модальные глаголы в данной работе собраны под термином обстоятельственных, что ни в коем случае не означает, что все эти элементы ведут себя нормировано, напротив, в следующих разделах анализируются данные различного характера, которые наводят на мысль о том, что модальные глаголы обстоятельственного значения являются событийными модификаторами, в то время, как в эпистемическом значении они модифицируют пропозицию либо иллокуцию.

3. Обстоятельные модальные глаголы как событийные модификаторы

Рассмотрим следующие предложения, допускающие многозначную трактовку:

(4) Der Teich kann bitterkalt sein.

a. Zu manchen Zeitpunkten ist der Teich bitterkalt.

b. Es ist möglich, dass der Teich zu den bitterkalten zählt.

Мы обнаружили минимум два значения: первое допускает обстоятельное прочтение, что отмечено двумя факторами: 1) вложенная в модальный глагол характеристика, весьма четко ограничена по времени (в определенные моменты пруд холодный, а в определенные — нет); 2) говорящий, избравший такую интерпретацию, высказывает тот факт, что он знает о потенциальной возможности пруда иметь низкую температуру. Итак, обстоятельная интерпретация допустима в том случае, когда говорящий знает, относится ли модифицированный предикат к данному моменту либо нет. В вышеприведенном примере (5a) модифицированный предикат указывает на временное понижение температуры. Особенностью обстоятельной семантики является то, что на момент высказывания говорящему может быть известна текущая температура. В дальнейшем будет показано, что решающим условием для обстоятельных модальных глаголов является то, что они могут включать только такие предикаты, которые содержат по крайней мере возможность несоответствия действительности. Проанализированные характеристики касаются не только

вышеприведенного прочтения *können*, а и других обстоятельственных глаголов.

Что касается второго значения: предположим, что мы находимся в экспедиции и уже обнаружили ряд прудов, в которых, как известно, вода имеет низкую температуру; вдали мы видим еще один пруд, и не измеряя его температуру, мы могли бы (4) выразить аналогичное мнение, но уже в эпистемическом варианте. Следует признать, что контекст является довольно необычным, многие, наверняка, предпочли бы сослагательную форму модального глагола — *könnte*. То, что также индикативные формы допускают подобное прочтение, становится очевидным, если предикат ссылается лишь на временную характеристику:

(5) Der Teich kann tief sein.

При эпистемической трактовке рассматриваются два аспекта. Во-первых, модальный глагол модифицирует здесь неизменный, существенный предикат; во-вторых, кроме говорящего в момент высказывания никто не знает, касалось ли оно его субъекта или нет.

Как подчеркивают Г. Ёльшлегер [9, с. 300] и С. Уман, именно последнее утверждение является основной чертой эпистемичности [11, с. 100]. Кто высказывает эпистемически модифицированную пропозицию, дает таким образом знать, что эта пропозиция не принадлежит к его осведомленности. Пример (5) предлагает проверить вышеизложенные предположения. Следуем логике теории, что модальные глаголы, которые включают постоянные предикаты, указывают исключительно на эпистемическое прочтение. Поскольку в предложении (5) имплицитно выражена обязательность того, что говорящей не знает, является ли пруд глубоким, или нет. Если бы говорящий закончил предложение «... und ich weiß, dass er tief ist», тогда бы это привело к логическому противоречию.

Этот контраст между обстоятельственными и эпистемическими модальными глаголами позволяет без труда формализовать следующее: обстоятельственные модальные глаголы являются событийными модификаторами, то есть они включают лишь те предикаты, которые сообщают ситуативный аргумент. Эпистемические модальные глаголы, напротив, являются модификаторами на пропозициональной плоскости и не создают избирательных ограничений для включенного предикативного выражения. Единственное условие использования эпистемических глаголов: включенные комплементы денотируют пропозицию. Данное свойство содержащегося в пропозиционном выражении предикативного выражения не играет никакой роли. Из этого следует, что существует группа предикатов, которые могут быть введены лишь эпистемическими модальными глаголами. Ими являются те предикаты, в чьих лексических описательных элементах отсутствует собственный ситуативный аргумент.

Исходя из работ А. Кратцер [7, с. 642] и Г. Фрица, большинство предикатов располагают ситуативной доказательностью, кроме ограниченной группы предикатов состояния [6, с. 50]. Хотя они имеют разные видения размежевания,

оба придерживаются мнения, что выражения типа *wissen* или *eine Spanierin sein* не имеют ситуативной доказательности. В отличие от событийных (z.B. *einschlafen*, *aufwachen*), процессуальных предикатов (z.B. *schlafen*) и глаголов состояния (z.B. *liegen*), которые в каждом случае указывают на пространственно-временные локализуемые ситуации, лишённые аргументативности выражения не имеют категории, которая когнитивно может восприниматься как событие.

Это и есть предикаты без ситуативной доказательности, которые при модальных глаголах форсируют эпистемическое прочтение, когда модальный глагол не имеет иной переменной связки. В научной среде, такие модальные глаголы называют кванторами; каждый квантор обязательно должен связывать определенные переменные. Квантор, которые не связывает переменные, не может быть интерпретирован.

Предикат *tief sein* не вносит никакой собственной ситуативной доказательности. Если модальный глагол соединяется с таким предикатом, он должен связать и другие переменные в качестве ситуативных аргументов. В случаях, когда модальный глагол проходит через повторный анализ в вышеприведенной форме, то за недостатком других возможностей он присоединяет иллокутивные переменные предложения. Если квантор меняет свои свойства, то это не остается без семантических последствий: интерпретация предложения меняется, глагол получает эпистемическую интерпретацию. Эпистемическая форма *können* впоследствии больше не выражает существование возможности наступления определенной ситуации, взамен, передает существование возможности истинности предположения о наступлении определенной ситуации. Наглядно это можно представить на примере глагола *müssen*. Эта форма не выражает значение необходимости реализации события, а обнаруживает необходимость истинности того, чтобы ситуация реализовалась. Итак, в эпистемическом примере (3) никто не несет ответственность, говоря, что Хюгенау является убийцей.

Наверняка для говорящего существует определенная неизбежность того, что когда-нибудь выяснится, что фрау Хентьен является убийцей. Строго говоря, мы исходим из того, что предикат без ситуативного аргумента, внедренного в модальный глагол, всегда форсирует эпистемическое прочтение, в случае если отсутствуют другие переменные для связки.

4. Цитативные модальные глаголы в немецком языке

Большинство немецких модальных глаголов при определенных обстоятельствах допускают эпистемическое прочтение. Две лексемы, напротив, идут вразрез с этой теоремой.

(6) Frau Hentjen soll der Mörder sein.

(7) Pasenow will wissen, dass Huguenau der Mörder ist.

Как было замечено выше, грамматическое окружение с предикатами без ситуативных аргументов и иных переменных форсирует эпистемическое прочтение. Ни в одном

из приведенных примеров модальный глагол не выражает предположения через говорящего, а ссылается на утверждение субъекта (7), либо третьего лица (6). Следовательно, в узком смысле слова, эпистемическое прочтение не представлено, но цитативное прочтение следует таким же принципам. В (7) Пазенов не желает, чтобы сложилась ситуация обнаружения убийцы. Возможно, его воля стремится к установлению истинности вины Хюгенау.

В статьях Э. Свитсер [10] и Д. Цигелер [13] перед авторами стоит дилемма, которая, в частности, касается цитативного *wollen*. С одной стороны, они могли разместить его в такой же функциональной проекции, как и остальные эпистемические глаголы. Впрочем, по общепринятому мнению, аргументы не могут быть образованы в функциональных позициях. В этом отношении представляется преградой то, чтобы квотативный *wollen* является контрольным глаголом и, таким образом, должен вводить субъектный аргумент. С другой стороны, можно было бы рассматривать цитативное использование *wollen* в качестве лексического полнозначного глагола. Тогда было бы неясно, почему цитативные и эпистемические модальные глаголы в их комплементарном выборе ведут себя симметрично. Еще Г. Бех [2, с. 35] в своей работе показал, что глаголы как с цитативной, так и с эпистемической семантикой направляют свою модальную силу на реальность инфинитивного действия, а не на реализацию таковой, что является характерным для обстоятельственных глаголов.

Явные контрольные свойства цитативного *wollen* являются причиной того, почему Ж. Фурке [5, с. 155] не включил его в свою классификацию субъективных модальных глаголов. Более эффективный подход состоит в том, чтобы «эпистемичность» с цитативной окраской понимать как свойство, которое не зависит от определенных функциональных проекций и не связано с подъемными конструкциями. Аналогичная ситуация имеет место, когда мы рассматриваем обстоятельственные глаголы в качестве ситуативных модификаторов и эпистемические в качестве модификаторов иллокутивных переменных. Окончательное значение проистекает из базовой семантики соответствующего глагола. Деонтические модальные глаголы превращаются как правило в эпистемические, а волитивные — в цитативные. Таким же образом, можно осмыслить квотативный *müssen*, что упоминается в работе В. Эрх [4, с. 156]; в работах А. Кратцер [7, с. 630] и Г. Беа [2, с. 10] можно встретить обстоятельственный *müssen* также с волитивным значением.

Выводы

Примечательным для модальных глаголов в качестве эпистемических модификаторов является тот факт, что все они имеют доступ к иллокутивным переменным. Их не-эпистемические антагонисты, однако, являются преимущественно модификаторами, которые должны присоединять ситуативный аргумент (доказательность). Это

обстоятельство объясняет, тот факт, почему такие выражения не совместимы с предикатами, которые лишены ситуативной доказательности. Это свойство общее для всех эпистемических модификаторов независимо от их классификационной принадлежности.

Рассматривая эпистемические модальные глаголы со значением настоящего времени, можно отметить, что в отличие от не-эпистемических конкурирующих форм, субъективные формы допускают включение предложений, выражающих фактические обстоятельства, которые хронологически лежат в прошлом времени. Как только выделенные квадратными скобками обстоятельства дела интерпретируются в значении предшествования, тогда имеет силу эпистемическое прочтение. Решающим фактором для этого противоречия является то, что сам модификатор должен иметь форму Презенса.

Данная характеристика касается эпистемических (8) и цитативных (9) модальных глаголов.

(8) Er muss [das Buch gelesen haben].

(9) Er will [das Buch gelesen haben].

Хотя (8) и (9) в определенном смысле могут получить обстоятельственную трактовку, положение вещей, выраженное инфинитивным комплементом, не может лежать во временной плоскости прошлого времени.

Динамичное поведение эпистемических идентификаторов с уверенностью можно объяснить тем, что они могут быть интерпретированы вне сферы влияния темпоральных операторов. Таким образом, для эпистемических модальных глаголов не существует темпоральной зависимости; в противоположность деонтическим модальным глаголам, эпистемические ссылаются на то положение вещей, которое наступает только после тех фактических обстоятельств, которые выражены в сопутствующем предложении.

То мнение, что эпистемические выражения темпорально независимы от сопутствующего предложения и интерпретируются вне сферы действия его темпоральных операторов, вполне соответствует результатам, к которым пришли Х. Вегенер, С. Уман, Т. Гофман; они располагают модальные глаголы в качестве эпистемических модификаторов с синтаксической точки зрения выше темпоральных операторов [12, с. 299].

(10) Er muss [das Buch bis morgen gelesen haben].

(11) Wenn er sich anstrengt, [hat er das Buch bis morgen gelesen].

В (11) предложение в квадратных скобках не относится к фактическим обстоятельствам, которые происходят перед моментом речи.

Несмотря на то, что все упомянутые исследователи, имея различные фоновые задачи, пришли к согласованным выводам насчет категории эпистемичности, при том, что в центре их исследований ставились разные явления: союзы, глаголы или наречия, однако в их основе лежит единый механизм — они объединяют иллокутивные переменные включенного предложения.

Такие характерные черты, которые функционируют независимо от грамматических классов и языковых границ, являются столь систематичными, что приводит к выводу, что эпистемичность является полноценной структурной частью человеческой языковой способности.

Литература:

1. Abraham, Werner. Modal verbs: epistemics in German and English // *Linguistik Aktuell/Linguistics Today*. — 2002. — № 47. — S. 19–50.
2. Bech, Gunnar. Das Semantische System der Deutschen Modalverben // *Travaux du Cercle Linguistique de Copenhague Vol. IV*. — Kopenhagen: Einar Munksgaard, 1949. — S. 3–46.
3. Diewald, Gabriele. Die Modalverben im Deutschen: Grammatikalisierung und Polyfunktionalität. — Tübingen: Niemeyer, 1999. — 208 S.
4. Ehrich, Veronika. Was nicht müssen und nicht können (nicht) bedeuten können: Zum Skopus der Negation bei den Modalverben des Deutschen. — Hamburg: H. Buske, 2001. — S. 149–176.
5. Fourquet, Jean. Zum subjektiven Gebrauch der deutschen Modalverben // *Sprache der Gegenwart*. — 1970. — № VI. — С. 154–161.
6. Fritz, Gerd. Deutsche Modalverben 1609 — Epistemische Verwendungsweisen // *Beiträge zur Geschichte der Deutschen Sprache und Literatur*. — 1991. — № 113. — S. 28–53.
7. Kratzer, Angelika. Modality // *Semantik. Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung*. — Berlin: de Gruyter, 1991. — S. 639–650.
8. Öhlschläger, Günther. Zur Syntax und Semantik der Modalverben des Deutschen // *Linguistische Arbeiten*. — 1989. — № 144. — S. 289–330.
9. Reis, Marga. Modalität und Modalverben im Deutschen. — Hamburg: H. Buske, 2001. — S. 287–318.
10. Sweetser, Eve. From etymology to pragmatics. Metaphorical and cultural aspects of semantic structure // *Cambridge studies in linguistics*. — 1990. — № 54. — P. 92–139.
11. Uhrmann, Susanne. Verbstellungvariation in weil Sätzen: Lexikalische Differenzierung mit grammatischen Folgen // *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*. — 1998. — № 17.1. — S. 92–139.
12. Wegener, Heide. Weil — das hat schon seinen Grund. Zur Verbstellung in Kausalsätzen mit weil im gegenwärtigen Deutsch // *Deutsche Sprache*. — 1993. — № 21. — S. 289–305.
13. Ziegeler, Debra. Omnitemporal will // *Language Sciences*. — 2006. — № 28. — С. 76–119.

Содержание работы учителя английского языка по формированию и развитию личностных результатов обучения

Фомина Анжелика Киямовна, учитель английского языка

МАОУ «Средняя общеобразовательная школа № 48» г. Новоуральска (Свердловская обл.)

В данной статье рассматривается процесс и особенности формирования и развития личностных результатов обучения английскому языку. Три вида личностных действий, применяемых в учебной деятельности.

Ключевые слова: иностранный язык, иноязычная коммуникативная компетенция, учебная деятельность, личностный результат обучения.

Повышение качества российского образования и достижения новых образовательных результатов является главной задачей ФГОС 2-го поколения. ФГОС 2-го поколения представляют особые требования к результатам освоения образовательных программ. Учитывая государственные, общественные и индивидуальные потребности в соответствии с основными задачами образования результаты имеют четкую структуру: личностные, метапредметные и предметные.

В настоящее время стремительно актуализируется значимость языков, что неизбежно влечет изменения не только

в методике преподавания, отборе содержания программы, но и в требованиях к результатам обучения английского языка. Одним из главных назначений изучения английского языка состоит из формирования иноязычной коммуникативной компетенции, способности и готовности осуществлять иноязычное межличностное и межкультурное общение с носителями языка.

Личностный результат обучения английскому языку предполагает формирование мобильности личности, которая легко адаптируется в другой стране, культуре, умение ориентироваться в окружающем мире, опираясь на знания

английского языка, развивая навыки межличностного сотрудничества.

К результатам освоения образовательной программы согласно требованиям ФГОС ООО личностные результаты должны отражать:

- 1) формирование толерантного и дружелюбного отношения к ценностям иных культур, оптимизма и выраженной личностной позиции в восприятии мира в развитии национального самосознания;
- 2) совершенствование и формирование иноязычной коммуникативной компетенции, расширение лексического запаса и лингвистического кругозора;
- 3) создание основы для формирования мотивации и интереса к совершенствованию достигнутого уровня владения иностранным языком;
- 4) формирование способности и готовности обучающегося к саморазвитию и самообразованию, осознанному выбору и построению индивидуальной траектории образования на основе ориентации в мире профессий и профессиональных предпочтений;
- 5) освоение социальных норм, ролей и правил поведения в обществе с учетом региональных, социальных, этнокультурных, экономических и политических особенностей;
- 6) формирование ценности безопасного и здорового сохраняющего образа жизни.

Для формирования личностных универсальных действий (гражданской идентичности личности, уважения и толерантности к другим народам и странам, компетентности в межкультурном диалоге) необходимые условия создает знакомство обучающихся с историей, традициями и мировой культурой.

К учебной деятельности применительно три вида личностных действий:

- 1) личностное, профессиональное, жизненное самоопределение;
- 2) смыслообразование — установка связи между целью учебной деятельности и ее мотивом, результатом учения;
- 3) нравственно-этическая ориентация исходя из социальных и личностных ценностей, обеспечивающее личностный моральный выбор.

Для достижения личностных результатов в учебной программе по английскому языку введены соответствующие темы, разнообразные по содержанию и форме, тексты, упражнения, задания и т. д.

Н. В. Соловова предлагает следующие технологии формирования личностных компетенций:

Урок: традиционный, провокационно-проблемный, беседа, визуализация, дискуссия, консультация, групповая консультация, с применением техники обратной связи, с разбором конкретных ситуаций.

Неимитационные активные методы: эвристическая беседа, соревнование, круглый стол, конференция, выездные занятия с тематической дискуссией, олимпиада,

практические групповые и индивидуальные упражнения, решения задач, семинары.

Имитационные методы (неигровые): ситуационные решения, решения отдельных задач, обсуждение разработанных вариантов, конкурс практических работ с обсуждением, кейс-метод, анализ конкретных ситуаций, письменные работы, дискуссии, моделирование, проектирование, методы группового решения творческих задач, применение затрудняющих условий, тренинг, лабораторные работы, исследовательская работа, практика, выездные занятия, экскурсии, контекстной обучение, групповое решение творческих задач.

Имитационные (игровые): мозговой штурм, деловые игры, ролевые игры, оргдеятельностные игры, проблемно-деловые игры, блиц-игра, дидактические игры, метод развивающей кооперации, игровое проектирование, круглый стол, дискуссия, диспут, дебаты, форум, симпозиум, имитационный тренинг.

Интерактивные методы: интерактивная лекция, использование и анализ видео-, аудиоматериалов, практическая задача, кейс-метод, разбор ситуаций из практики участника, ролевая игра (в том числе с анализом видеозаписи), работа в малых группах, групповая дискуссия соревнование, тестирование, экзамен с последующим анализом результата и другие [8].

Интерактивное обучение — это обучение, основанное на взаимодействии всех обучающихся вместе с педагогом. Интерактивные методы относятся к личностно-ориентированному и компетентностным подходам. Педагог в этом случае выполняет роль организатора процесса обучения, создателя условий для проявления инициативы студентов [8].

При формировании общекультурной компетенции «способностью к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия» на занятиях по иностранному языку используются следующие методы и технологии обучения [1].

М. С. Филимонова отмечает, что преподавание иностранного языка основано на междисциплинарной основе, направлено на развитие коммуникативной, когнитивной, информационной, социокультурной, профессиональной и общекультурной компетенции обучающихся [9].

К. М. Левитан отмечает, что обучающиеся не осознают значение лингвистического образования, так как для них язык выступает только средством общения. В то время как язык выполняет роль проводника профессиональных знаний в процессе формирования коммуникативной компетентности. Знание языка родного и иностранного демонстрирует уровень интеллектуального и духовно-нравственного развития личности, ее способность к самореализации и самосовершенствованию, отражает уровень социального и профессионального общения [5].

Обучение иностранному языку основано на аксиологическом, личностно-деятельностном и компетентностном подходе, включает: грамотное владение устной

и письменной речью на русском и иностранном языках, адекватный перевод текстов, участие в межкультурном диалоге, критическую рефлексивность к получаемой информации, культуру речи [5].

Т. В. Куприна предлагает использовать портфолио в обучении иностранному языку. Портфолио оформлено в виде разделов. Каждый раздел сопровождается занятием, которое интегрирует практику формирования навыков слушания, говорения, письма, чтения, грамматические и лексические аспекты в контексте темы портфолио. Все эти

средства коммуникативного метода направлены на личную деятельность обучающегося [4].

Широко распространен метод выполнения межкультурных страноведческих проектов. Цель проекта: расширить и углубить знания о странах изучаемого языка, совершенствование навыка и умений общаться на языке межкультурного общения.

Таким образом, мы рассмотрели особенности содержания работы учителя английского языка по формированию и развитию личностных результатов обучения

Литература:

1. Абрамова Н. В., Ессина И. Ю. Инновационные стратегии в билингвальном обучении. // *Фундаментальные исследования. Педагогические науки.* — 2014. — № 6. — С.345–349
2. Государственная программа развития образования на 2013–2020 годы [Электр.ресурс] // Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. Режим доступа: <http://igosvo.ru/pages/view/id/6>
3. Еремеева Г. С. Особенности организации образовательного процесса в высшей школе в связи с внедрением федеральных образовательных стандартов нового поколения [Электр.ресурс] // *Научно-методический электронный журнал «Концепт».* 2016. Т. 5. С. 163–167. Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2016/56183.htm>.
4. Куприна Т. В. Иностранные языки и литература в современном международном образовательном пространстве. Сборник материалов III Международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2009. с. 88–94.
5. Левитан К. М. Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2014. № 10. С.98–105.
6. Ломакина Г. Р. Метакоммуникативный компонент профессиональной компетентности учителя иностранного языка/Г. Р. Ломакина// *Человек и образование.* — 2012, № 2. — С.83–86.
7. Соболев А. Б. О модернизации образовательных стандартов. [Электр.ресурс] // Координационный совет учебно-методических объединений и научно-методических советов Высшей школы. — Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. Режим доступа: <http://igosvo.ru/pages/view/id/6>
8. Соловова Н. В. Формирование и оценка компетенций. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2015. 79с.
9. Филимонова М. С. Современные пути и средства билингвальной подготовки будущих специалистов. // *Альманах современной науки и образования.* 2011. № 12. С.123–125
10. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования, утвержден Приказом Минобра РФ от 17.12.2010 № 1897 [электронный ресурс] — http://www.school.edu.ru/dok_edu.asp, дата обращения 19.10.2018

МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ

Пропаганда зарубежных масс-медиа в филологической перспективе

Артемова Милана Валерьевна, студент

Московская гуманитарно-техническая академия

У каждой страны есть свои метацели и приоритеты, вариативные способы целеполагания, планирования и реализации тех или иных проектов. На данный момент одним из несравненных инструментов порабощения людей в мире, так называемых, негласных аллюзий, являются — медиа и СМИ. Вопрос стоит в том, как обучить людей грамотно относиться и реагировать на информацию, которая вытекает из медиа сферы?! Для начала, нужно разобраться, что же такое медиа, ведь большинство не видят разграничений между СМИ и медиа, и медиа как таковым, а помощью них происходит интенсивная обработка и формирование политического сознания. В этом случае в одинаковой степени реализуются как созидательные, так и разрушительные задачи.

Медиа — это некоторый посредник, с помощью которого передается п-я сила или другое воздействие. Это может быть одежда, архитектура, это такое слово, которое окутывает нас повсеместно. Ансамбль инструментов или через что мы познаем мир. Обычно термин медиа не употребляется самостоятельно, чаще являясь частью сложнообразованных слов, таких как медиатекст, массмедиа, медиaprостранство, медиакомпетентность, медиаданные, медиасообщение, медиазависимость, новые медиа, альтернативные медиа, социальные медиа и т.д. Они, в свою очередь, порождают свои сферы влияния и особенности коммуникаций.

В свою очередь СМИ — это публичная передача данных. Для СМИ, учредителями которых являются органы государственной или муниципальной власти, по-видимому, более точным является термин «средства массовой пропаганды», с которым обыватель не в силах побороться. Язык СМИ активно реагирует на процессы, которые происходят в обществе, и формирует систему представлений: «Именно СМИ оказывают решающее влияние на формирование, сознание и поведение членов общества» [Кормилицына 2012:14]. Читатель, движется от плана выражения к плану содержания, таким образом, именно от плана выражения зависит, точно ли будет воспринята авторская мысль, и насколько адекватной будет реакция на данную информацию. Роль СМИ в современном обществе трудно переоценить, не менее значимо и глобально влияние публицистического дискурса на речевое поведение представителей массовой

аудитории. Именно медиатексты оказались в настоящее время центром стилистической системы языка, в этой ситуации особенно актуален разговор об ответственности создателей тиражируемой информации: «Возрастает роль журналиста — не просто как посредника между обществом и властью и интерпретатора информации, но и как носителя культурных и нравственных ценностей» [Плисецкая А. Д. 2011:458].

Я считаю, что проблема пропаганды зарубежных и фейковых новостей в мире заключается, во-первых, в людях, а во-вторых, в системе государства.

Психологическая структура деятельности человека не всегда дает реципиенту мыслить глобально и критически. Новости, которые появляются с каждой секундой, невозможно охватить структурно, с глубоким пониманием происходящего. Было бы более разумным относить себя к такому человеку, который берется читать и изучать такие новостные разделы, в которых он более компетентен. Правильно выстраивать поиск ресурсов, уметь обрабатывать и объективно принимать ту или иную информацию, так же учитывая сопоставительные анализы других материалов. Из вышесказанного опять же возникает следующий вопрос, вопрос компетенции народа. Насколько люди компетентны на самом деле и что они думают про себя со стороны?! На сегодняшний день существует несметное количество открытых площадок, где погоня за сенсацией — это тренд, и новостной контент оставляет желать лучшего. Так, стоит ли нам больше уделять внимания на то, что мы говорим, как говорим и с какой целью. Задумываемся ли мы о нашей ментальной карте? Что сегодня нас вдохновляет? Может погоня за популярностью? Так называемые, «breaking news» в скором начнут ломать и нашу жизнь, «горячие новости», после которых всплывает массу конфликтов и не понимания, удручающее в этом, то, что мы, не знаем, достоверна ли информация, и, в большинстве случаев и не желаем знать. Выброс скопления недостоверных новостей наводит народ на когнитивный диссонанс. Правильно или нет? — Решают тренды.

Ни для кого не секрет, что переход к глобальной сети — это тренд 21 века, мы знаем, что компьютер обыграл человека в шахматы, в го, эта машина давно нас опередила в скорости, оставив нас позади, но с кем мы

соревнуемся? Можно ли приписать компьютеру больше заслуг или больше убытков. Хочется процитировать Лайелла Уотсона «Если бы мозг наш был бы так прост, что мы смогли бы его изучить, мы были бы так просты, что не смогли бы этого сделать». Человек не компьютер, и он должен помнить, что он выше всех машин, наш мозг настолько не сравнен и уникален, что мы никогда не сможем разгадать его, разве это не прекрасно. Почему человек до сих пор гонится не за тем, что ему будет более полезно?!

Второй момент кроется в государственной деятельности. Идеальной структуры не существует, как мы знаем. Контролировать все сферы человеческой деятельности — это утопия. Если вспомнить, у каждого есть свободная воля, и ответственность за сказанное и свершенное, так вот у государства ответственность возрастает в разы, когда дело касается целой страны. Исполнительная, законодательная и судебная власти должны быть заинтересованы в народе и отвечать за него. Пусть даже косвенно. Такой казус, как новостной вброс сомнительной информации должен контролироваться. Такие кричащие случаи, когда в рекламных роликах мы видим полуголых мужчин и женщин, зачастую подростков рекламирующих, свои гениталии, продавая тем самым свое тело, не беспредел ли это?! Или мы привыкли уже к такому западному подходу действий? Почему наши дети, с раннего возраста должны смотреть такого рода контент? Почему это не контролируется? Разве это не пропаганда? Действительно, это пропаганда тела, перечеркивание абсолютно всего того нравственного понимания о том, кем ты являешься. Молодежь, следуя примеру, выставляет так же «успешно» напоказ себя через социальные сети. Это федеральные, локальные, региональные тренды, ведущие к безнравственности и обесцениванию человеческих ценностей. Ключевым фактором в этом являются деньги. Государство получает за то, что рекламирует. Хорошо или плохо? Такое

демократическое государство не потеряет свою самобытность и уникальность или потеряло уже?! Правильно или нет? Решают деньги.

Еще одним ключевым примером можно представить иностранную лексику, которая заполняет наш словарный запас. Это может производиться посредством СМИ, рекламных роликов, франшиз, которые заполняют нашу страну очень стремительно. Зачастую, на различных мастер-классах или «тренингах» куратор урока использует ту самую речь, дабы привлечь внимание или, говоря о том, что уже давно вошло в обыденность. Неужели наш язык не страдает от такого рода нововведений? Английский язык заполнил территорию России, но улучшилось ли качество знания языка. Как правило, мы выдираем слова из контекста, при этом, не задумываясь о смысловой нагрузке. Всем знакомые слова: дедлайн, диггер, драфт, уикенд, трафик, бед трип, и многие другие выражения делают нашу речь конфузной и порой неуместной.

Подводя итог, стоит отметить, что человек и государство напрямую влияют на то, каким контентом наполнится наше сознание. Человек, в свою очередь, должен уметь выявлять и формулировать проблемы собственного развития, планомерно владеть информацией, с которой он работает. Мы должны помнить, что в общественной жизни существует три действующие монополии: знаний, богатства и силы. Так вот, культурная стезя этой монополии должна возлагаться, в первую очередь, на человека. Мы должны развивать себя и общество, в котором мы создаем. Государству стоит учредить новый план действий касаясь рекламы и пропаганды зарубежных тенденций. Возможно, больше акцентировать внимания на развитие и продвижение российских проектов. Конечно, из вышеупомянутого могут последовать другие проблемы и вопросы, но я считаю вопрос нравственности и образованности народа ставить выше взаимовыгоды и брендов.

Литература:

1. ИноСМИ.ru — средство массовой коммуникации (медиа) интернет-портал [Электронный ресурс] <http://inosmi.ru/>
2. Бюро переводов «Лингвотек» [Электронный ресурс] — Режим доступа. URL: <http://lingvotech.com/neologizmi>
3. BBC News-веб-сайт британского новостного телеканала. [Электронный ресурс]. <http://www.bbc.com/>
4. BBC Русская служба [Электронный ресурс] <http://www.bbc.com/russian>
5. CNN — американский новостной телеканал [Электронный ресурс] <http://edition.cnn.com/>

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Linguistic terminological systems in international tourism

lochkova Kristina, Ma Candidate;

Malysheva Nataliya, PhD in Philology

Komsomolsk-on-Amur State University

The process of globalization in the digital age is characterized by information flows and the development of international relations. There is therefore a tendency of growing interest in tourism and the business of international tourism. Increasing numbers of travelers require information about new destinations and experiences. There are many touristic organizations providing such services, spreading ever-wider across the world, and therefore the touristic offers include new parts of the world space [8].

Tourism can generally be classified according to destination; domestic or international. Domestic tourism is obviously any activity aimed at travelling within a country. International tourism can be defined as the targeted and systematic activity of touristic organizations providing goods and services transnationally. It is one of the most important sectors of international economy and has the following characteristics:

- 1) is based on the exchange of goods and services;
- 2) provides touristic services which are not mobile and subject to keeping;
- 3) has no flexibility regarding the proposal [9].

International tourism plays a role of a phenomenon reflecting social, economic and international relations. About one billion people annually go abroad for tourism purposes, making international tourism one of the most popular leisure activities globally [2].

The development dynamics of this sphere is related to improvement of tactics and communication strategies and usage of different linguistic means contributing to the promotion of touristic products. This process has become the subject of many linguistic studies, both in Russia and elsewhere across the globe [8]. Such an international economic and social phenomenon which has become both lucrative and dynamic demands the study of its professional terminology and terminological system. To date there has been precious little such scientific research, possibly related to the fact that mass tourism only began in the last century [4].

The international tourism industry is rapidly growing. This fact is highlighted by tourism terminology infiltrating languages globally and becoming a part of everyday speech. The main source of term formation in tourism-related Russian language is commonly-used English language lexis [10]. A

review of the relevant terminology literature shows that it developed from the process of scientific understanding and criteria formation by which it becomes possible to borrow language units into the terminology lexis. The research in the field of terminology, defined as a dynamic language system, has a historic nature, as it focuses on its development through time and reflects the ways of thinking of different eras. According to S. V. Grinev-Grinevich, the notion of terminology has three different definitions:

- 1) the science which studies terms;
- 2) the terminology of a certain language;
- 3) the terminological system of a certain field of knowledge [5].

In other words, terminology is a historically formed set of terms related to a certain field of knowledge. The current state of play in the field of linguistics finds terminology to be a leading course of study.

Another interesting issue is terminological systems, which, according to V. M. Leychik, are understood as a conscious constructing and ordering of specially selected units functioning as terms. The distinctive features of a terminological system are: 1) integrity; 2) coherence; 3) structure; 4) sustainability [6]. L. A. Manerko describes a terminological system as a deliberately developed set of terms, identified using conceptualized and categorized information on the base of terminology and discourse requirements. The researcher states that a terminological system and terminology don't need to be treated equally, because terminological systems are directly related to the classifying human activity, which is aimed at sorting of relations between terms and their notions, whereas terminology is related to the structural activity within the nominative process [7].

A terminological system is characterized by the fixation of terminological relations which, in their turn, act as reflectors of relations between the notions named by terms. It is a multidimensional area of language which has some difficulties. A terminological system is based on the fact that terminologies related to different fields of knowledge are constantly changing both in qualitative and quantitative ways. Information flows mean a constant cycle of change with outdated terms being replaced by others which more precisely clarify meanings or denote new concepts [12]. This is important as a major

function of terminological systems is to denote concepts forming a certain scientific view of the world [3].

Research aimed at the studying of tourism terminology is primarily related to the dynamic and rapidly developments in international tourism. Relations between native and foreign experts are to a great extent defined by the ability of both to communicate using tourism terminology. Russian travelers therefore have to gain an understanding of such touristic terms [11].

References:

1. Briginevich V.E. (2013). The main ways of terms formation belonging to the terminological system «mountaineering» (on the base of English language). Philological sciences. Theory and practice issues, Tambov. Vol. 2, no. 7, pp. 42–47.
2. Buylenko V.F. Tourism. (2008). Rostov-on-Don, 416 p.
3. Bugaenko N.P., Ioakimidis G.A. (2013). Substantive characteristic and thematic differentiation of terminology lexis (on the example of English show business terminology). Lingua mobilis, no. 1 (40), pp. 34–39.
4. Denisova G.G., Drozd A.F., Romanovich R.G. (2011). Tourism terminology in the sociolinguistic and translation aspects. Theses of the International Relations Department: the collection of scientific articles, BSU, 160 p.
5. Grinev-Grinevich S.V. (2008). Terminology studies. M.: Publishing center «Akademiya», 304 p.
6. Leychik V.M. (2007). Terminology studies: subject, methods, structure. M.: Publishing house «LKI», 256 p.
7. Manerko L.A. (2009). The notion «terminological system» in the current terminology studies. M.: Publishing house «Vestnik MRSU», pp. 207–221.
8. Nagorny I.A., Shevtsov V.A. (2013). Rational type of speech tactics in the tourism discourse. Scientific statements of Belgorod State University, no. 6, pp. 13–19.
9. Pisarevskiy E.L. (2014). Tourism basis. M., Federal Agency for Tourism, 384 p.
10. Sharafutdinova K.S. (2016). Internet comment as the base of translation thesaurus (tourism discourse). VolSU Vestnik: studies of young scientists, no. 14, pp. 208–212.
11. Vinogradova L.V. (2009). Russian tourism terminology: structure characteristic. NSU Vestnik, no. 52, pp. 27–30.
12. Volgina M.Yu. (2013). The translation of terms as key units of the specific text. Prospects for science and education, no. 6, pp. 170–175.

At the time of writing, terminology is a key element of modern communication and an integral instrument of study of certain fields of knowledge [10]. More and more new concepts are coming into common linguistic use and are demanding integration into terminological systems and arrangements [1]. How enthusiastically we respond to these linguistic changes will greatly affect our ability to participate in the globalized world of the future.

Особенности интернациональной лексики и способы ее перевода

Колиенко Татьяна Сергеевна, старший преподаватель;

Кузнецова Ирина Валерьевна, старший преподаватель

Российский университет транспорта (МИИТ) (г. Москва)

Многовековое общение народов, культурные, политические и экономические связи предполагают обмен не только опытом, ценностями, какими-либо ресурсами, но и лексикой. Языки не полностью ассимилируются, но многие черты и слова заимствуются.

К примеру, обмен терминами происходил раньше и не прекращается до сих пор. Во многих языках разнообразные наименования реалий получили похожие названия: автомобиль, Интернет, компьютер, президент и др. Глобализация современного мира только ускоряет эти процессы. Соответственно, взаимопроникновение лексики в языки стало явлением повсеместно распространенным. Обеспечить полноценное общение между странами была призвана интернациональная лексика, или интернационализмы.

Интернационализмы представляют собой общий элемент нескольких мировых языков, усвоенных ими в силу генетической общности или взаимных культурных влияний. Это слова, имеющие в результате взаимовлияний или случайных совпадений внешне сходную форму и некоторые одинаковые значения в разных языках. По степени распространённости в английском и русском языках интернациональная лексика занимает видное место, и перевод её имеет свои особенности.

Многообразие явлений и предметов окружающей действительности в настоящее время является причиной образования определённого пласта слов, многие из которых получают распространение в различных языках и приводят к тому, что переводчик сталкивается с проблемой ложного отождествления отдельных элементов систем иностранного

и родного языков из-за сходства в написании или произношении. Именно поэтому проблема перевода интернациональной лексики является одной из самых актуальных.

Интернациональная лексика активно заимствовалась из английского языка на протяжении всего XX века, и этот же процесс продолжается в XXI веке. Это связано, прежде всего, с высоким уровнем развития англоязычных стран, таких как Великобритания и США. Кроме того, английский признан интернациональным языком.

Следует также отметить тот факт, что заимствуются в основном существительные, тогда как глаголы, прилагательные, наречия и другие части речи уже имеются в языках и способны отобразить картину мира определённой языковой культуры. Кроме того, глаголы, прилагательные, наречия и другие части речи могут образовываться от интернациональных существительных: забанить, спамить, пиарить.

Переводчик должен применять особый подход к переводу интернациональной лексики, которая занимает особое место среди заимствований.

Интернациональные слова, полностью совпадающие по значению, встречаются достаточно редко. Между тем слова, ассоциируемые и отождествляемые (благодаря сходству в плане выражения) в двух языках, в плане содержания или по употреблению не полностью соответствуют или даже полностью не соответствуют друг другу. Однако перевод такой лексики допускает использование приёма дословного перевода.

Avoid contact with moving fan parts — Избегайте контакта с движущимися частями вентилятора;

Important information — Важная информация;

If your model has not water softener, you may skip this section — Если у вашей модели нет умягчителя, вы можете пропустить этот раздел;

You may experience discomfort in the form of eyestrain — У вас может появиться дискомфорт в виде напряжения зрения.

Исходя из примеров, можно сделать вывод, что переводчик может передавать значение слова буквально, но лишь тогда, когда чувство языка и опыт подсказывают ему, что предлагаемый им перевод для данной конкретной ситуации как раз и представляет собой адекватную передачу мысли оригинала.

Часто семантические несоответствия связаны с тем, что в одном языке слово имеет более общее значение, а в другом — более конкретное.

Семантические отношения между сопоставляемыми интернациональными словами могут представлять: полное несоответствие значений, частичное несоответствие значений, полное семантическое соответствие.

К полным несоответствиям относятся слова, которые не вполне сходные по форме, но могут вызвать ложные ассоциации и отождествляться друг с другом, несмотря на фактическое расхождение их значений. Например, слово «fan». В английском языке данному слову соответствуют

такие значения как веер, вентилятор. В русском же слово *фен* обозначает электрический прибор. В следующей фразе «*People behave without humanity to water world*» — *Люди относятся негуманно к водному миру*, слово «*humanity*» переводится на русский язык словом *гуманность*, но не *гуманизм*.

К частичным несоответствиям относятся случаи, когда слово в родном языке совпадает со словом в другом языке, но только в одном из его нескольких значений или когда у слова в одном языке есть значения, отсутствующие у него в другом языке. К примеру, «*German national statistics office*» переводится на русский язык как *Национальное статистическое управление Германии*. В английском языке слово «*office*» имеет множество значений: *офис, канцелярия, пост, должность, служба, служебное помещение, обязанность, отделение, комитет, представительство, функция*; в то время как в русском языке слову *офис* соответствует значение *помещение* или *представительство какой-либо компании*. Следующая фраза «*Remove all the parts from box and identify and match all parts with the assembly*» — *Распакуйте все детали вентилятора и сравните их с деталями, указанными на схеме* содержит слово «*assembly*», которое может переводиться как: *собрание, общество, ассамблея, схема, установка, комплект, блок, совокупность частей, модуль, монтаж, сборка, ансамбль*. В свою очередь в русском языке ассамблея употребляется в значениях *орган государственной власти в ряде стран, либо международное собрание*. Еще один пример: «*Do not place any heavy objects of stand on the door when it is open*», слово «*object*» в английском языке имеет разные значения: *объект, задача, цель, пункт*. В данном контексте мы конкретизируем значение и переводим слово, как предмет. В русском языке слово объект обозначает *предмет, на который направлена какая-либо деятельность*.

В эту группу интернациональной лексики входит огромное количество слов, перевод которых представляет существенные трудности для переводчиков.

«*The auditorium is demanding a referendum...*» — *Аудитория требует провести референдум* — в этом случае у русского слова есть значения, отсутствующие у его английского соответствия. Подобный случай встречается значительно реже: русское слово имеет ряд значений и лишь одно из них соответствует английскому. Обычно это происходит тогда, когда слово заимствовано из какого-либо третьего языка: так, русское слово *аудитория* шире по значению английского «*auditorium*», ведь по-русски можно сказать аудитория читателей; аудитория слушателей; аудитория коммуникации, а по-английски слово «*auditorium*» в таких значениях не употребляется.

Интернациональная лексика характеризуется специализацией значений. В текстах встречается множество лексических единиц, подбирать соответствующий элемент которых приходится с учётом контекста. «*In testing such dishwasher, a first step might be to attack program*

operations» — *Тестирование стиральной машины начинается с проверки основных режимов* — в этом примере слово «*attack*» заменено русским словом *проверка*, являющимся типичным, характерным для русского текста. В качестве замены английскому слову использовано весьма типичное для соответствующего контекста русское. Подобным примером может служить и глагол «*triumph*»: «*After many years of intensive research a French scientist has triumphed with the equivalent of Google Earth under water*» — *После многих лет интенсивных исследований французский учёный выпустил аналог Google Планета Земля*. В качестве замены интернационального слова «*triumph*» использован в русском тексте глагол *выпускать*. Если в английском тексте мы имеем необычное сочетание «*triumphed with the equivalent...*», то в русском переводе — стандартное сочетание *выпустил аналог*.

Основная задача переводчика — умело производить различные переводческие трансформации для того, чтобы текст перевода как можно более точно передавал всю информацию, заключённую в тексте оригинала при соблюдении соответствующих норм переводящего языка.

Более сложным случаем является перевод семантически разнородной категории слов, включающую интернациональную лексику. Такие слова получили название «ложные друзья» переводчика.

Лексические единицы, которые не имеют совпадений в семантике исходного слова в английском и русском языках принято называть псевдоэквивалентами или «ложными друзьями» переводчика, так как, имея схожую внешнюю оболочку, они полностью расходятся в значениях.

Из-за сходства формы и, частично, содержания такие слова могут привести к существенным искажениям содержания, неточностям в передаче стилистической окраски, к ошибкам в лексической сочетаемости, а также в словоупотреблении. Подобные случаи называют «ложными друзьями переводчика», это понятие пришло из французского языкознания. Термин «ложные друзья» был введен М. Кёсслером и Ж. Дерокинью в 1928 году в книге «*Les faux amis ou Les pièges du vocabulaire anglais*».

Межъязыковые омонимы представляют собой частный случай «ложных друзей» переводчика.

Межъязыковые омонимы — это слова обоих языков, сходные по звуковой (или графической) форме, но имеющие разные значения [1, с.148]. К таким словам относятся: «*aspirant*» — претендент на что-либо, честолюбец, честолюбивый, никогда не аспирант, «*morale*» — боевой дух, а не мораль.

Существует два типа межъязыковых омонимов, перевод которых приводит к ошибкам:

— Омонимы с абсолютно разным набором лексических значений. Их можно спутать лишь по причине созвучия, например, украинское слово «*вродливый*» означает красивый, а созвучное ему русское «*уродливый*» имеет противоположное значение. Английское слово «*gift*» — подарок

или одарённость, а в немецком языке данное слово означает — *яд, отрав*.

— Омонимы, некоторые лексические значения которых совпадают полностью либо частично за счёт наличия общих признаков, позволяющих отнести эти слова с данными значениями к одной сфере употребления. Например, слово «*electric*» в английском языке означает *электрический*, тогда как по звучанию оно совпадает с русским «*электрик*». Оба значения имеют отношение к электричеству, и знание этого факта при одновременном незнании правил словообразования может явиться причиной смешения смыслов во время перевода.

Итак, интернациональные единицы могут выступать как в роли «подлинных друзей переводчика», так и в роли «ложных друзей переводчика». Ведь далеко не все слова, попав в язык-реципиент, сохраняют свои исходные значения. Зачастую слово переживает всякого рода семантические трансформации и изменения эти чаще всего характерны именно для данного, отдельно взятого языка, либо слова сохраняют значения, с которыми они были заимствованы, однако в языке-источнике эти значения являются или в процессе стали далеко не главными.

Кроме этого, возможны случаи, когда в родном языке слово на протяжении многих лет остаётся актуальным, то есть широко используется в речи, этимон (первоначальное значение) в другом языке выходит из употребления и заменяется другим словом.

Встречаются и случаи стилистического несовпадения интернациональных единиц, которые также могут вызвать разного рода ошибки при переводе.

Рассмотрим примеры подобных слов, которые характеризуют анализируемое явление — интернационализмы в роли «ложных друзей переводчика».

- Actually — фактически (а не актуально)
- Agitator — подстрекатель (не только агитатор)
- Alternative — вариант (не только альтернатива)
- Authority — власть, регламентирующий орган (а не авторитет)
- Brilliant — блестящий (редко бриллиант)
- Cabin — хижина (не только кабина)
- Champion — поддерживать кого-либо (а не быть чемпионом)
- Chef — шеф-повар (а не шеф или шофёр)
- Circulation — тираж газеты (а не только циркуляция)
- Data — данные (а не дата)
- Decade — десятилетие (а не декада)
- Engineer — машинист (не только инженер)
- Extra — добавочный, дополнительный, лишний (а не высшего качества)
- Figure — чертёж, цифра (не только фигура)
- General — общий (не только главный)
- Instruments — измерительные приборы (реже инструменты)
- Intelligent — ум, интеллект, разведка (а не интеллигенция)

List — список (а не лист)
 Mark — метка, пятно (а не марка)
 Mayor — мэр города (а не майор)
 Meeting — встреча, совещание (а не митинг)
 Mode — режим (а не мода)
 Number — число, количество (а не только номер)
 Philosophy — основные принципы (а не философия)
 Pilot — опытный, вспомогательный (не только пилот)
 Production — производство (а не только продукция)
 Public — население, общественность (не только публика)

Во фразах «critical situation» и «critical part» слово «critical» может переводиться как русской параллелью *критический*, так и выступать в других значениях, которые у русской параллели отсутствуют. В «Словаре иностранных слов» приведены два омонима интернационализма «критический»: 1. Относящийся к критике; дающий разбор и оценку какого-либо явления произведения, деятельности и т.д.; способный к критике; 2. Относящийся к кризису; решающий, переломный; опасный. В Большом англо-русском словаре отмечены следующие лексико-семантические варианты английского прилагательного «critical»: 1. Критический; 2. Решающий, переломный, критический; 3. Опасный, рискованный, критический, угрожающий; 4. Осуждающий, критикующий; разборчивый, требовательный; 5. Дефицитный; крайне необходимый; нормируемый; 6. Критический; граничный [5, с. 86].

Как видно, не все словарные варианты значений английского прилагательного совпадают с русским. «But in this case laboratory control plays a critical part»; «Following rising critical situation in the Korean peninsula...» — выражения «critical situation» в данном контексте переводятся как «переломная ситуация», а «critical part» — важная роль.

Часто использование интернациональных значений при переводе английских интернационализмов на русский язык приводит к нарушениям стилистических норм языка и вызывает неадекватный эффект у читателя. К примеру, «Open the door very carefully if the dishwasher is operating, there is a dramatic risk of water squirting out», в качестве эквивалента прилагательного «dramatic» переводчик может дать его русский аналог *драматичный риск* вместо *значительный*. Сюда относятся такие же лексические единицы как: «traditionally» — *обычно*; «adequate pressure» — *правильное давление*; «revolutionary changes» — *существенные или радикальные изменения*.

Анализ примеров «ложных друзей» показывает, что много ошибок возникает при переводе интернациональной лексики, так как данные единицы характеризуют общность смысловой структуры и поэтому легко отождествляются при переводе. В результате нередко появляются ложные эквиваленты, поскольку наряду с общностью в их смысловых структурах имеются и существенные различия, о которых переводчик часто забывает.

Способы преодоления ошибок при переводе интернациональной лексики

За последнее время роль интернациональной лексики сильно выросла, вследствие чего перевод текстов представляется весьма актуальным.

При переводе интернациональной лексики переводчику приходится опасаться не только многочисленных псевдоинтернационализмов, которые могут сбить с толку даже опытного профессионала, и полностью исказить смысл высказывания, но и сложностей, которые могут возникнуть при выборе между сохранением интернациональной формы и подбором не однокоренного эквивалента родного или иностранного языка.

Процесс перевода с иностранного языка протекает обычно не на уровне текста, а на уровне контекста, что не одно и то же. Контекст — это минимальное языковое окружение, которое позволяет однозначно понять ту или иную лексическую или грамматическую единицу. Как правило, это словосочетание, редко — предложение, очень редко — абзац или текст в целом. Даже сплошной перевод текста часто осуществляется не на уровне текста, а на уровне отдельных предложений, входящих в него. Об этом свидетельствуют, в частности, многочисленные ошибки, обусловленные неправильной или неточной корреляцией элементов, относящихся одновременно к двум или более компонентам целого текста [4, с. 79]. К интернациональной лексике относятся слова, имеющие в результате взаимовлияний или случайных совпадений внешне сходную форму и некоторые одинаковые значения в разных языках [3, с. 16]. Известно, что интернациональные слова попадают в тот или иной язык либо благодаря заимствованию из другого языка, либо вследствие того, что два данных языка заимствовали соответствующее слово из какого-нибудь третьего языка (например, из латинского или греческого). Так, слова «administration, base, chance, conductor, contact, diameter, dramatic, economic, electric, element, energy, explosive, fan, grill, industrial, information, instruction, motor, product, risk, sanctions, service, spray, summit, telescopic» являются общепонятными не только для носителей английского языка, но и для тех, у кого родной язык другой. Это достигается за счет интернационального характера указанных слов.

Трудности перевода интернациональной лексики состоят в том, что переводчик часто забывает о таком понятии, как «употребляемость слова», и, находясь под впечатлением знакомой графической формы слова, допускает в переводе буквализмы и нарушает нормы родного языка (языка перевода), особенно в области сочетаемости слов. Между тем слова, ассоциируемые и отождествляемые (благодаря сходству в плане выражения) в двух языках, в плане содержания или по употреблению не полностью соответствуют или даже полностью не соответствуют друг другу. В то же время данное положение (допустимость буквального перевода терминов и терминологических сочетаний в ряде отдельных, редких, случаев) может послужить и источником

ошибок в переводе. На основании результатов исследования перевода интернациональной лексики были установлены основные причины, приводящие к ошибкам [2, с.14]:

- убежденность в однозначности слов и грамматических форм;
- смешение графического облика слова;
- ошибочное использование аналогии;
- перевод слов более конкретными значениями, чем они фактически имеют;
- неумение подыскать русское значение для перевода английских слов и лексических и грамматических сочетаний;
- незнание закономерностей изложения английского материала и способа его передачи на русский язык.

В тех случаях, когда лингвистические и культурные различия между языком оригинала и языком перевода незначительны, можно было бы ожидать минимального количества серьёзных проблем для перевода; однако, имея дело с близкородственными языками, можно жестоко обмануться поверхностными совпадениями, в результате чего перевод в подобных случаях будет очень неудачным. При переводе важно различать подлинно интернациональные слова (то есть сходные по написанию или звучанию в разных языках и совпадающие по значению) от слов, которые при своём внешнем сходстве имеют различное значение. Подлинно интернациональными при сравнении английского языка с русским можно считать лишь такие слова, которые в обоих языках имеют одинаковое значение, как, например, термины естественных и точных наук (*benzene* — бензол, *information* — информация, *monitoring* — мониторинг, *internet* — интернет). Однако, следует отличать от них псевдоинтернациональные слова, которые представляют собой большие трудности, — это так называемые «ложные друзья переводчика», то есть заимствованные или похожие слова, которые выглядят эквивалентными, но не всегда являются таковыми. Например, «*The auditorium is demanding...*» — *Аудитория требует...*, английское «*demand*» — требовать и французское «*demandeur*» — спрашивать, «*Ambitious equivalent*» — замысловатый эквивалент, английское «*ambitious*» — замысловатый и русское — амбициозный; «*The government's ignoring our demands*» — *Власть игнорирует наши просьбы*, английское «*ignore*» — игнорировать и испанское «*ignorar*» — не знать. Безусловно, те люди, которые владеют основами второго языка, сталкиваются с ложными отождествлениями лишь в сфере одинаковых частей речи: так, например, существительные ассоциируются с существительными, омонимия же частей речи, как правило, не вызывает затруднений. С семантической точки зрения вводящими в заблуждение оказываются слова, принадлежащие к аналогичным или смежным семантическим сферам или, во всяком случае, могущие оказаться в сходных контекстах; явно случайно совпадающие лексемы, по сути не встречающиеся в одинаковых контекстах: «*There's impassable rock*» — *Непроходимая скала*;

английское «*rock*» — скала и русское *рок*, не вызывают ложных ассоциаций.

При переводе интернациональной лексики часто возникают ошибки, поскольку слова в родном языке иногда имеют совершенно иное значение в другом. Переводчику, естественно, приходит на ум аналог, который, однако, в русском языке имеет иное значение. Например, «*The crisis in Syria is set to be top the agenda at apre-G8 summit meeting in London Wednesday and Thursday*» — *Главной темой встречи на высшем уровне, которая продлится до четверга в Лондоне, станет ситуация в Сирии* — английское слово «*meeting*» далеко не всегда соответствует русскому митинг. Основное значение английского слова (производного от глагола to meet) «*встреча*», «*свидание*».

«*Inhabitants of water are in panic*» — *Морские жители находятся в панике*; «*We live in panic*» — *Мы живём в страхе*. Разделение или дифференциация общего понятия на виды часто происходит в профессиональной деятельности и в обиходе. С этим бывает связано расщепление смысла слова, которое обозначало общее понятие, на два значения: одно остается у русского наименования, а другое закрепляется за иностранным. Так, из примеров мы видим, что в русском языке возникли пары близких по смыслу английским (но не тождественных им) слов: *страх* и *паника*.

Иностранное слово легче усваивается, если оно заменяет описательный оборот. «*DISP (Display Setting): Allows you to change the indicating display*» — «*DISP (Настройка дисплея): Позволяет изменять индикацию дисплея*» — слово «*display*» заменило собой сочетание *устройство визуального отображения информации*, а «*indicating*» — *метод наблюдения*. Однако стоит заметить, что в этом процессе замены своего слова чужим действуют некоторые ограничители. Если, например, описательные обороты составляют группу наименований однородных предметов, то заимствованному слову трудно «пробиться» в такую группу: оно нарушает единство наименований (все они не однословные). Были случаи, когда слово не приживалось в нашем словаре, так как у нас уже успела сформироваться группа наименований описательных, двусловных.

Степень семантических расхождений оказывается неодинаковой в различных частях речи: наиболее специфичны значения прилагательных и, нередко еще более, наречий. Часто невозможно вывести семантические расхождения в данных словах, относящихся к одной части речи, зная расхождения в словах, относящихся к другой части речи. Например, прилагательные «*absolute*» и *абсолютный* полностью или почти полностью совпадают в большинстве значений и взаимозаменяемы при переводе, но отсюда не следует, что такое же соотношение существует между наречиями «*absolutely*» и *абсолютно*. «*We absolutely disagree with the policy of our government*» — *Мы полностью не согласны с политическим курсом правительства*. Английское слово даже в основном значении, приближенном к русскому *абсолютно*, не всегда соответствует русскому аналогу по соображениям

лексической сочетаемости. В данном контексте «*absolutely disagree*» — быть полностью не согласным. «*Absolutely*» может переводиться следующими специфическими значениями: «*безусловно, несомненно, полностью*», в грамматике — «*независимо*», разговорное — «*да, конечно*»; русское же слово в объединяющем оба аналога значении может переводиться английским лишь в меньшинстве случаев, нередко передаваясь словами *entirely, perfectly, totally, utterly*, с оттенком «*вообще*» при отрицании передается как *at all*, а с оттенком «*вполне*» — как «*quite*», помимо чего значит *безотносительно (irrespectively, in absolute terms)*. Особое внимание следует уделять прилагательным, характеризующим личностные качества человека. «*There's no sympathy between people and our government*» — *Нет взаимопонимания между властью и народом*.

Необходимым звеном при переводе текста является его анализ. В результате анализа устанавливаются соответствующие смысловые связи и взаимоотношения не только между единицами оригинала, но и между единицами текста перевода. Осмыслению подвергаются и содержание текста, и функционально-стилистические элементы — как на иностранном, так и на родном языке. Проникновение переводчика в содержание текста должно происходить до тех пор, пока он не почувствует, что им найдена окончательная форма для передачи заданного в тексте содержания и был использован весь ранее накопленный им опыт (языковой, общий, специальный). Для эквивалентного воссоздания понятого необходимо решить целый комплекс научно-методических и практических проблем:

Литература:

1. Акуленко В. В. Существует ли интернациональная лексика? Вопросы языкознания. — М.: Научная книга, 2003. — 148 с.
2. Борисова Л. И. Ложные друзья переводчика научно-технической литературы. Часть I. — М.: Всесоюзный центр переводов научно-технической литературы идокументации, 1989. — 124 с.
3. Гринёв-Гриневиц С. В. Терминоведение. — М.: Академия, 2008. — 304 с.
4. Зилберман Л. И. Структурно-семантический анализ текста. — М.: Наука, 1982. — 136 с.
5. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. — 1308 с.
6. http://www.rusnauka.com/23_SND_2008/Philologia/26333.doc.htm (дата обращения: 15.10.2018)

Когнитивно-прагматический аспект метонимов в дискурсе англоязычных СМИ

Скибина Валентина Ивановна, кандидат филологических наук, доцент

Сахалинский государственный университет (г. Южно-Сахалинск)

The article treats the problem of metonymic transference of meaning in modern English on the basis of the latest language material taken from the English and American periodicals.

Keywords: *modern English, metonymy, semantic development, language or default metonymy, speech metonymy, semantic word-building.*

Явление метонимии известно с античных времен и достаточно хорошо изучено в лингвистике. Взглянуть

- надо конкретно знать, что следует иметь в виду под эквивалентной передачей содержания текста;
- почему не всякая передача содержания текста является эквивалентной;
- что ведёт к ошибкам в переводе;
- каков механизм поиска и отбора лексических средств;
- каким образом использовать весь свой информационный запас и фоновые знания;
- как выделять те случаи, когда отдельные слова английского оригинала могут функционировать в тексте таким образом, чтобы использовалась вся гамма значения слова.

Переводчику бывает трудно определить, какое значение в данном контексте превалирует; как принять верное «контекстуальное решение», когда значение слов, зарегистрированных в словарях, совпадает со значением единиц русского языка, но не во всем объеме; как справиться с проблемами, решить которые в рамках собственно лингвистического контекста невозможно, когда необходимо обращение к внетекстовой информации — справочникам, словарям, энциклопедиям, цель которых — максимально полно раскрыть так называемые регулярные соответствия и общие несоответствия между единицами оригинала и перевода.

Избежать ошибок при переводе возможно. Для этого необходимо учитывать все аспекты и стороны конкретного интернационального понятия, а также влияние межъязыковой интерференции, то есть последствие влияния одного языка на другой.

на метонимический перенос, который мы понимаем как способ семантической деривации, состоящий

в регулярном или окказиональном переносе имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или единичный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию [1, с. 136], несколько по новому позволяет рассмотреть его в рамках определенного типа дискурса на ранее не исследованном с точки зрения использования в нем метонимов языковом материале.

Следует отметить, что в работах последних лет, посвященных рассмотрению проблем метонимии [4, с. 2] наблюдается явное расширение интерпретаций. Метонимия рассматривается сегодня как перенос названия по самым разнообразным, практически любым отношениям существующим между двумя понятиями, например, замену причины следствием, конкретного — абстрактным, идеального — материальным и т.д., но во всех случаях обязательным условием для осуществления корректного, понятного для реципиента переноса является отнесенность обозначаемых объектов к одной ситуации или одному понятийному пространству. При этом важно отметить, что в традиционной трактовке метонимии отношения смежности во всем их разнообразии размещаются в объективной реальности, в то время как когнитивный подход рассматривает их на концептуальном уровне [4, с. 67].

Основополагающим в описании метонимии продолжает оставаться деление ее на языковую, регулярную, стандартную и образную или индивидуально-авторскую.

В лексическом значении любого слова содержится два информационных блока — блок информации, осознание которой обеспечивается операциями, связанными с референцией, и прагматически ориентированный блок, выражающий отношение говорящего/слушающего к референциальному аспекту значения или коннотации

[5, с. 106]. Под коннотацией языковых единиц традиционно понимается семантическая сущность, входящая в их семантику и выражающая эмотивно-оценочное отношение субъекта речи к обозначенной в высказывании действительности, которое приобретает на основе этой информации экспрессивный эффект [5, с. 79].

Коннотация в свою очередь тесно связана с оценкой, которая определяется как суждение о ценности обозначаемого и варьируется в диапазоне от отрицательной до положительной [1, с. 5]. Признается также существование нейтральной и амбивалентной оценок [1, с. 26] и необходимость разграничения оценочной категории на рациональную и эмоциональную оценки [2, с. 134].

Таким образом можно констатировать, что образное отображение фактов действительности может происходить одновременно с выражением субъективно оценочного, прагматического отношения говорящего к предмету речи [3, с. 4].

Далее обратимся к примерам, отобранным нами из октябрьских 2018 года ведущих изданий англоязычных СМИ, таких как *the Guardian*, *the Times*, *the National Geographic*, *the Economist*, *the Independent* и некоторых других.

В дискурсе средств массовой информации довольно частотными являются антропоцентрические модели метонимии, которые в значительной степени соответствуют основным особенностям языка СМИ, т.е. характеризуются экспрессивностью и социальной оценочностью, например: *Join the independent minds for exclusive features, events and advertising-free read*, где метоним *minds*, являющийся обозначением интеллектуально-духовной части человеческой личности используется для номинации всего человека, по признаку наличия у такого рода потребностей. В сочетании с адъективным эпитетом *independent* метоним выражает определенно положительную оценочность.

В примерах: *The Bachelor's Brooke Blurton has revealed that she believes it will be Brittany Hockley who wins Honey Badger's heart; He described how the unlikely Theodora captured the heart of Justinian and rose to become his bride; ... he knew how the heart was sucked out of Juventus* — в названии части тела *heart* также используется метонимическая модель «часть вместо целого», при этом в двух первых примерах метоним *heart* приобретает значение «местилище любви», тогда как в третьем примере тот же метоним используется для экспрессивной номинации факта наличия у человека определенных душевных и физических сил для осуществления какого-либо вида деятельности.

Несколько иной вариант антропоцентрической модели метонимии «часть тела человека вместо человека определенного рода занятий» также является весьма частотной и ее можно проиллюстрировать следующими примерами: ... *how sewing robots may put human hands out of work; Sewing robots can produce clothes faster than human hands; His long arm has already reached abroad; Is Donald Trump a new face of global diplomacy?*

Антропоцентрическая модель метонимии реализуется и в примерах типа: «*Press*» offers a look of journalism's wretched side, где мы имеем двухступенчатый перенос «инструмент — изделие — люди».

Практически во всех номерах, использованных нами для отбора эмпирического материала из англоязычных периодических изданий, используется вариант пространственной метонимии «топоним — объект там находящийся». Представляется, что основная функция такого рода метонимий заключается в компрессии или экономном, сжатом обозначении понятия о характеризуемом референте, например: ... *it is a ruling Tehran claimed as victory but that Trump administration officials said they weren't bound by; India's planned purchase of Russia's S-400 air-defence missile systems is forcing Washington to choose between competing priorities; Sanction New Delhi or grant the country a waiver to avoid antagonizing a Key security partner; Ukraine says the rebels are armed by Moscow and backed by Russian troops; Washington has been debating this week to provide more weapons to Kiev; He will take aim at what he says are Beijing attempts to influence U. S. elections and global politics; She vows Britain will leave without a deal if Brussels won't compromise*. Несомненно,

реципиент, воспринимающий такого рода информацию поймет, что при упоминании столиц государств подразумеваются правительства соответствующих стран, а также весь огромный государственный аппарат, который располагается в этих столицах, что сообщает такого рода топонимам большую значимость и усиливает эффективность дискурса, как бы расширяя когнитивные границы выражаемых понятий.

В ряде случаев используется общее наименование для стран Западной Европы — *West accuses Russia of persistent campaign of hacking by the Kremlin*, где ощущается негативная коннотация метонима *the Kremlin*.

В дискурсе СМИ топонимы могут употребляться в притяжательном падеже, как в следующем примере, где топоним является сжатой номинацией одного из старейших университетов Европы: *Cambridge's offer to help poorer students is welcome — but is it enough?*

В ряде имеющихся в нашем материале примеров используется модель пространственной метонимии «место как институт расположенного в нем органа государственной власти», например: *White House may have blocked FBI from doing its job; Why did wives vying for Number 10 all wear emerald-green dresses to party conference?; Don't forget to access your two complimentary articles every week for updates from the corridors of Westminster; West accused Russia of persistent campaign of hacking by the Kremlin*. В приведенных примерах название официальной резиденции президента США используется вместо номинации самого поста, ту же функцию выполняет метоним *the Kremlin*; адрес резиденции премьер-министра Великобритании (даже без упоминания улицы) используется вместо упоминания самой должности. Метоним *Westminster* замещает более развернутую прямую номинацию — *the British Parliament*, оставаясь нейтральным в эмоционально-оценочном плане.

В примере *Elon Musk tweet appears to mock the SES* — существительное-метоним *tweet*, реализующее в данном случае явный перенос по смежности по модели «интернет-пространство — то, что появляется в интернет-пространстве», является в то же время конвертированной лексической единицей, которая не приобретает в результате установленной ассоциации сколько-нибудь заметной эмоционально-оценочной окраски.

Приведем еще один пример: «*He was over the top of me*»: *woman, 22, wakes up after being knocked unconscious by a chubby stranger posing as a good Samaritan when her car broke down*. Характеризуемым референтом в этом примере является «*a chubby stranger*», который описывается иронически употребленным существительным *Samaritan*, отсылающим реципиента к Библейскому персонажу, известному своими высокими нравственными качествами. В результате аллюзии на исторически обусловленный культурный факт метонимия в данном случае проявляет свойство оставлять за пределами дискурса невербализованную информацию, которая необходима для его верного осмысления

и требует от реципиента определенных интеллектуальных усилий для осознания и оценки ситуации, имеющей когнитивные основания.

Корректное осмысление ситуации, представленной в предложении: *Two cloud companies look to make some gain* также требует от читателя использования определенных инференционных усилий, поскольку метоним *gain* используется для номинации результата совместных усилий, совершаемых компаниями, расположенными в облачном пространстве, т. е. метонимия и в данном случае выступает как модель выводного знания, имеющая когнитивные основания (облака способны продуцировать дождь), придающая сообщению стилистическую окраску и экспрессивность, но не приводящая к появлению у метонима системно закрепленного значения.

Следует также отметить, что способность прилагательных выражать примённый признак естественным образом проявляется и в общественно-политическом дискурсе, так в примере: *Food production already causes enormous changes to the environment via vast ocean zones dead from agricultural pollution* мы имеем каузальный тип адъективной метонимии, реализующийся по модели «признак, характеризующий свойство — признак, характеризующий следствие», то есть на когнитивном уровне вектор переноса направлен от причины к следствию.

В предложении *We label fridges to show their environmental impact — why not food?*

Реализуется локативный тип адъективной метонимии, в котором метонимизирующееся прилагательное приобретает значение «объект, испытывающий воздействие».

Пример ... *he stays near his mother at first warmly eyeing our group of trekkers and trackers huddle together in whispered awe* характеризуется наличием вторичной метонимии отглагольного прилагательного *whispered*, которая формируется только при описании явлений, связанных той или иной имплицативной связью и имеет в своей основе семантические процессы переподчинения смысла и контракции выражения [6, с. 102], т. е. опущения элементов номинации в высказывании, в данном случае таким элементом могло бы явиться словосочетание типа *utterances caused by awe*, связанное с метонимизирующимся прилагательным причинно-следственной связью. Данный случай относится к авторской, речевой метонимии, так как здесь имеет место нарушение смысловой однородности высказывания и, как следствие, большая выразительность. Данная модель демонстрирует также широту синтагматической дистрибуции прилагательных и их способность сочетаться с существительными разных семантических групп. Важно отметить, что в практике преподавания подобные случаи требуют особого внимания.

Анализ нашего материала показывает, что дискурсу средств массовой информации присуща также адъективная метонимия длительности состояния [5, с. 102], например: *There were glamorous moments too, including socializing with the actress Sophia Loren*, где прилагательное с исходной

семантикой эмоционального состояния человека *glamorous* в сочетании с именем, обозначающим временной отрезок жизни *moments* реализует значение «проведенный в этом состоянии», т. е. налицо метонимическое употребление оценочного типа.

Таким образом, проведенный анализ позволяет констатировать, что когнитивная функция метонимии сочетается с ее коммуникативной функцией в значительной степени способствует семантико-лексическому обогащению словарного состава современного английского языка.

Литература:

1. Н. Д. Арутюнова. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — С. 136–137.
2. Е. М. Вольф. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. — М.: Наука, 1985. — 228 с.
3. В. И. Карасик. Язык социального статуса / В. И. Карасик. — М.: Институт языкознания РАН, 1992. — 330 с. [электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.vspu.ru/axiology/vik/status22.htm>.
4. О. К. Жданов. Метонимия как средство обогащения словарного состава современного французского языка: автореф. дис. канд. филол. наук / О. К. Жданов. — М., 1989. — 23 с.
5. А. Х. Мерзлякова. Типы семантического варьирования прилагательных поля «Восприятие» (на материале английского, русского и французского языков). — С.: Едиториал УРСС, 2003. — 352 с.
6. М. В. Никитин. Лексическое значение слова. Структура и комбинаторика: учеб. пособие для пед. институтов по специальности «Иностранный язык». — М.: Высшая школа., 1983. — 127 с.
7. В. Н. Телия. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. — 288 с.

Особенности перевода английских идиом, содержащих в своей семантике морские термины

Хачко Елизавета Евгеньевна, студент;

Маленкович Татьяна Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент

Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск)

В статье рассмотрены особенности употребления английских идиом, проанализированы некоторые идиомы о море и морском деле и приведены способы перевода устойчивых выражений.

Ключевые слова: английский язык, идиомы, идиоматика, фразеология.

Features of the sea terms English idioms translation

This article is about the use of the English idioms, we have analyzed some idioms about the sea and seamanship from the point of view of a translation perspective.

Keywords: English idioms; idiomatics; phraseology.

При изучении языка мы нередко сталкиваемся с устойчивыми выражениями, перевести которые бывает очень трудно. Эти выражения носят название — идиомы или фразеологизмы (от греч. *ἴδιος* — собственный, свойственный) — это присущее какому-либо языку неделимое словосочетание, значение которого не вытекает из значений составляющих его компонентов. Фразеологизмы очень красочно отображают своеобразие уклада жизни, накапливают в себе всю совокупность культуры и менталитета народа, уникальный способ его образного мышления, создают его языковую картину мира.

При анализе образной концепции фразеологии становится более понятным народное мировоззрение.

И каждая фразеологическая единица, если она содержит культурный смысл, вносит свою лепту в общую структуру картины национальной культуры. При этом не все фразеологические единицы являются культурно-специфическими в своем значении. В основе очень многих идиом лежат выражения, которые когда-то действительно имели буквальный смысл. Например, «to let your hair down» — вести себя непринужденно, расслабиться. Это выражение происходит из тех веков, когда женщины носили сложные высокие прически. Требовалось много усилий, чтобы сотворить и сохранить такую прическу в течение дня. Вечером, перед сном, можно было наконец распустить волосы и расслабиться.

Основополагающим элементом идиомы является эффектный образный план, который не просто благоприятствует проявлению экспрессивности, и увеличению эмоциональности высказывания, но и является действенным методом сокращения информации. Идиома позволяет создавать лаконичную образную характеристику, предоставляющую возможность кратко сформулировать сложную мысль, или дать оценку некоторому состоянию дел, поступкам людей и т. п.

В английском языке очень много идиом, имеющих морское происхождение. И это не случайно, ведь история Великобритании — островного государства — всегда была тесно связана с покорением морей. Некоторые из этих идиом особенно интересны и привлекли наше внимание:

To be loose end — значит «быть в запущенном состоянии, остаться без дела, без определенной работы», т. е. остаться у разбитого корыта. Эта фраза имеет морское происхождение и имеет в виду канаты и веревки, которыми оснащен корабль. Правда, не совсем понятно, относится она к ненужной веревке, болтающейся непривязанной, или к старому тросу с растрепанным концом. If you're at a loose end this evening, call round and we'll watch TV together. — Если тебе нечего будет делать вечером, приходи ко мне, посмотрим вместе телевизор.

To lose one's rag — разозлиться. Это может быть видоизмененное выражение из морского сленга *lose the cloth* («избавиться от скатерти»). Раньше, если капитан небольшого корабля был настолько недоволен своими офицерами или экипажем в целом, что был готов высадить их с корабля при первой же возможности, то так называемый «морской закон» гласил, что он должен убрать скатерть с обеденного стола три раза, тем самым сообщая о своих намерениях. Так как горячий обед подавался только раз в день, это было равносильно трехдневному объявлению об увольнении. Со временем слово *cloth* поменяли на слово *rag* (тряпка, тряпица), вероятно потому, что качество корабельных скатертей, оставляло желать лучшего. I put up with a lot from the boss without saying anything. But sometimes I lose my rag and we have a shouting match. — Я выношу многое от своего начальника безропотно. Но иногда я срываюсь, и мы кричим друг на друга.

All at sea — беспомощность человека, потерявшегося в море. Раньше моряки очень часто попадали в такие ситуации. Хотя простейшие компасы были известны уже в XII в., но они были слишком неточны. Небольшие суда обычно держались в пределах береговой видимости. Однако иногда они сбивались с курса или ветры уносили их в открытое море. Если капитан терял курс, то корабль неизбежно попадал в беду. Среди океана экипаж был буквально *all at sea*. Заимствованная у мореплавателей фраза стала широко употребляться, означая состояние замешательства или смущения. Many children were found to be utterly at sea when asked to explain how a shop function. — Многие дети оказались в тупике, когда их просили объяснить, как работает магазин.

A loose cannon — непредсказуемый, ненадежный человек. В 17–19 веках основным вооружением кораблей были пушки. Чтобы избежать сильной отдачи, орудия прочно закреплялись и привязывались канатами. Если во время боя или шторма крепления ослабевали, тяжелая пушка неуправляемо каталась по палубе, представляя большую опасность для жизни экипажа. И *loose cannon* в буквальном переводе означает «непривязанная пушка». В королевских кругах принцесса Уэльская Диана сравнивалась с *a loose cannon*.

Перевод идиом — одна из особо трудных проблем в освоении языка. Риск заблуждения велик уже на первом этапе перевода, поскольку идиомы нередко омонимичны вольной комбинации слов и распознать их можно лишь на основании контекста и общей логичности выражения. Неточность в переводе приводит к грубейшему искажению смысла оригинала. He set a great store by the street he lived in. — Он открыл крупный магазин на той улице, где жил. (Вместо — Он придавал большое значение тому, на какой улице он жил).

В системе перевода различают 5 приемов перевода идиом, подбор которых производится с опорой на природу идиомы и контекст.

1. Фразеологический эквивалент — выразительный фразеологический компонент английского языка, целиком соответствующий по значению какому-либо русскому фразеологизму и отражающий один с ним образ: much water has flowed under the bridges — много воды утекло с тех пор и др, be left stranded — остаться на мели, if the hands slept by the hearth, ships would never sail the seas — кабы мужик на печи лежал, корабли бы за море не плыли, a great ship asks deep waters — большому кораблю большое плавание.

2. Подбор идиоматического аналога — выразительный фразеологический компонент английского языка, соответствующий по значению русской идиоме, но отражающий другой образ: between the devil and the (blue) sea — между двух огней, между молотом и наковальней.

3. Калькирование — буквальный перевод английских идиом. Произведенное в итоге калькирования высказывание не является идиомой в русском языке и представляет из себя окказиональное формирование. При помощи калькирования переводятся английские пословицы, поговорки и т. п. throw smb. (smth.) overboard — избавиться от кого-либо.

4. Описательный перевод — перенос смысла английской идиомы свободной комбинацией слов в русском языке: skipper's daughters — высокие волны с белыми гребнями, без средств, to have cloth in wind — быть навеселе.

5. Контекстуальная замена — употребление русской идиомы такого типа, которая, хоть и не совпадает со значением английского фразеологизма, взятого отдельно, но довольно точно (и по смыслу и стилистически) изображает его сущность в данном контексте.

Таким образом, в системе перевода имеется много особенностей, связанных с переводом устойчивых выражений

с английского языка на русский. Для сохранения колоритности текста подлинника переводчику допускается вносить в текст перевода разнообразные коррективы.

Несмотря на сложность понимания, и перевода идиом, их изучение является необходимым компонентом освоения английского языка. Ведь без знания устойчивых выражений, просто невозможно понимать английскую речь, смотреть

фильмы и читать книги в оригинале. Использование в речи английских идиом говорит о глубоком понимании языка. Сталкиваясь с идиомой, мы можем ощутить историко-культурный опыт народа и осмыслить его. Кроме того, правильное и уместное использование устойчивых выражений придает речи неповторимое своеобразие, выразительность и лаконичность.

Литература:

1. Дубровин М.И. Иллюстрированный словарь ИДИОМ на пяти языках: русский, английский, французский, испанский, немецкий. — М.: Арсис Лингва, 1993. — 224с: ил.
2. Маньковская З.В. Идиомы и фразовые глаголы в деловом общении (английский язык): учебное пособие. — Москва: ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2011. — 184 с.
3. Шафрин Ю.А. Идиомы английского языка: опыт использования. — М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003. — 559с.

Научное издание

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

III Международная научная конференция

г. Санкт-Петербург, ноябрь 2018 г.

Сборник статей

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е. А. Шишков*

Верстка: *О. В. Майер*

Подписано в печать 24.11.2018. Формат 60x90 ¹/₈.

Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 5,1. Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 300 экз.

Издательство «Свое издательство», г. Санкт-Петербург

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый»
420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.